

28392

Г. А. ЕВРЕИНОВЪ.

 ИДЕОЛОГІЯ

БЛИЖНЕВОСТОЧНАГО ВОПРОСА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Б. Авидона, Моховая, 41.

1911.

28392

Г. А. ЕВРЕИНОВЪ.

ИДЕОЛОГІЯ

~~34895~~

БЛИЖНЕВОСТОЧНАГО ВОПРОСА.

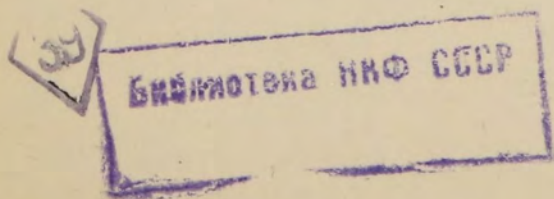

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

На страницѣ	строка	напечатано	читать.
10	10	„общался“	„обязался“
28	15	„шевсата“	„шаріата“
32	32	„усугубленная“	„усугубляется“
49	11	„ихъ“	„ея“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Б. Авидона, Моховая, 41.
1911.

28392

Г. А. ЕВРЕИНОВЪ.

ИДЕОЛОГІЯ

~~34895~~

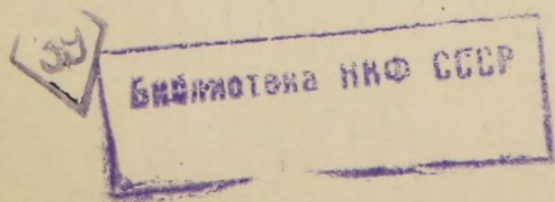
БЛИЖНЕВОСТОЧНАГО ВОПРОСА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Б. Авидона, Моховая, 41.

1911.

K

RECEIVED

RECEIVED

RECEIVED

85305

I.

Трудъ этотъ, въ области внѣшней политики Россіи, выражаетъ идеологію стараго славянофила, который уже въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія исповѣдывалъ и проповѣдывалъ тѣ начала, которыя въ своихъ главныхъ чертахъ соотвѣтствуютъ политическому міросозерцанію современныхъ неославистовъ.

Послѣ закрытія московскаго славянскаго комитета я былъ однимъ изъ учредителей возникшаго въ Одессѣ перваго въ Россіи, разрѣшеннаго правительствомъ, славянскаго общества св. св. Кирилла и Меѳодія, уставъ котораго былъ утвержденъ въ 1870 г.,—а когда возникло на ближнемъ востокѣ славянское движеніе приведшее къ войнѣ 1877—1878 гг., я былъ избранъ въ предсѣдатели этого общества.

Славянофильство одесскаго славянскаго общества того времени было чуждо всякихъ вѣроисповѣдныхъ различій. Этому содѣйствовало, при разноплеменности населенія Одессы участіе въ немъ весьма многихъ зарубезжныхъ славянъ, западныхъ и южныхъ. Даже первымъ его предсѣдателемъ былъ избранъ богатый негоціантъ славянинъ-далматинецъ Вучетичъ женатый на русской.

Одесское славянское общество того времени открывало славянскому единенію широкій просторъ. Оно считало братьями по славѣ всѣхъ славянъ, пишутъ-ли они кириллицей или латиницей, ходятъ-ли они въ православный храмъ или католическую церковь. Исповѣдывали мы

эту терпимость въ согласіи съ природой православноѣ церкви, которая чужда прозелитизма и благословляетъ своихъ сыновъ даже на самый тѣсный съ иновѣрцами союзъ, на союзъ брачный.

Мы не мечтали о какой-то особой славянскоѣ культурѣ противоположаемой западноѣ цивилизаціи, мы, напротивъ того, считали призваніемъ славянскихъ единеній прививку къ здоровому дереву славянскоѣ національности плодовъ той культуры, которая порождена въ западноѣ Европѣ вѣковыми усовершенствованіями въ области знаній, въ условіяхъ государственнаго обществѣ и въ сферѣ промышленнаго преуспѣянія.

Но исповѣдуя эти убѣжденія мы отдавали должное заслугамъ старыхъ славянофиловъ. Мы понимали, что славянофильство Хомякова и Аксаковыхъ было проблескомъ свѣта среди мрака окутавшаго Россію въ царствованіе Николая I; что славянофильство это поставивши себѣ идеаломъ соборные и мірскіе государственные порядки допетровскаго времени, было естественной реакціей противъ возобладавшаго у насъ нѣмецкаго бюрократизма; что ихъ славянофильство имѣетъ громадную заслугу въ томъ, что въ русскоѣ интеллигенціи оно пробудило національное сознаніе. Понятно намъ было при этомъ и то преобладающее значеніе, которое славянофилы, стоя на почвѣ народнаго уклада русскоѣ общинной жизни, придавали исповѣданію православноѣ вѣры, которой они желали вернуть соборный строй, высвободивъ ее изъ опутавшей ее паутины оберъ-прокурорскаго и консисторскаго канцеляризма. Мы находили однако, что націонализмъ славянофиловъ въ этихъ границахъ уже не удовлетворялъ тогда, въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, ни государственному и общественному строю Россіи, ни широкимъ задачамъ ея внѣшней политики.

Въ составъ русскаго государства вошло множество инородцевъ и иновѣрцевъ, а потому

сплоченность Россіи, какъ государства, требуетъ такихъ внутреннихъ государственныхъ порядковъ, при которыхъ эти иновѣрцы и инородцы, сознавая себя полноправными гражданами Россіи, могли-бы стать русскими патріотами. Съ другой стороны, насущныя задачи внѣшней политики Россіи, о которыхъ я буду говорить ниже, требуютъ самага тѣснаго единенія, національнаго и духовнаго, съ славянскими народностями Австріи исповѣдующими католическую вѣру.

Еще до войны 1877 г. я посѣтилъ Прагу и Загребъ (Аграмъ) и находился тамъ въ условіяхъ благопріятныхъ для основательнаго ознакомленія съ политическимъ настроеніемъ просвѣщеннаго слоя австрійскихъ славянъ и вынесенное мною впечатлѣніе можетъ быть выражено въ слѣдующихъ краткихъ словахъ.

Среди австрійскихъ славянъ интеллигенты имѣли вѣрное представленіе о великомъ политическомъ значеніи солидарности всѣхъ славянскихъ народностей и они знали цѣну той могучей силы, которую представляетъ въ славянскомъ мірѣ Россія, но превыше всего они дорожили пріобрѣтеніями западной цивилизаціи и пониманію ихъ было совершенно чуждо понятіе объ особой славянской культурѣ, объ отличномъ отъ остальныхъ народовъ Европы славянскомъ правопорядкѣ. Особенности государственнаго и общественнаго строя Россіи они признавали самой обыкновенной отсталостью. Понятно поэтому, что у австрійскихъ славянъ понятіе политической солидарности съ единоплеменной могущественной російской имперіей прояснялось и затуманивалось соотвѣтственно тому какія въ нашей государственной жизни начала брали верхъ — просвѣтительныя или реакціонныя. Поэтому порядки николаевскаго времени внушили Палацкому извѣстный афоризмъ: „что въ интересахъ западныхъ славянъ слѣдовало-бы выдумать Австрію, если-бы она не су-

ществовала“, а реформы первых лѣтъ царствованія Александра II вызвали у австрійскихъ славянъ наибольшій подъемъ сознанія племеннаго родства и политической солидарности съ Россіей. Что касается простого народа, преимущественно сельскаго населенія славянскихъ земель австрійской короны, то всѣ лица съ которыми мы въ то время приходилось говорить, признавали, что въ глубинахъ его сознанія лежитъ непродуманное, нѣсколько мифическое представленіе о Россіи, какъ о родной странѣ и благодѣтельной силѣ.

Замѣчательно, что доброжелательное отношеніе къ Россіи, какъ родной могущественной странѣ, не чуждо было въ то время въ Австріи и католическому славянскому духовенству. А. М. Евреинова *), подолгу жившая среди австрійскихъ славянъ, изучая старинныя славянскія рукописи, между прочимъ, и въ католическихъ монастыряхъ населенныхъ славянами острововъ Адриатическаго моря, встрѣтила какъ русская, трогательное къ себѣ сочувствіе со стороны славянскихъ монаховъ. Нельзя было безъ умиленія читать ихъ писемъ, которыя они подписывали „братъ по славѣ“.

Въ этихъ условіяхъ Одесское славянское общество считало конечною цѣлью русскаго славянофильства, цѣлью соотвѣтствующей какъ этическимъ требованіямъ великаго народа, такъ и жизненнымъ интересамъ русскаго государства всякое содѣйствіе освобожденію славянъ изъ подъ власти турокъ и нѣмцевъ, объединеніе родственныхъ славянскихъ народностей и ихъ культурную и политическую солидарность съ родственнымъ, создавшимъ могучее государство русскимъ народомъ. Въ этомъ мы полагали историческое призваніе Россіи, достойную ея величія идеальную цѣль ея внѣшней политики.

*) Докторъ правъ Лейпцигскаго университета, другъ И. С. Аксакова.

Изъ этого братскаго союза славянскихъ народовъ мы не исключали и поляковъ. Мы находили, что вѣковѣчной враждѣ двухъ братскихъ народовъ пора положить конецъ, что самая элементарная справедливость и здраво понятыя интересы Россіи и всего славянскаго міра требуютъ предоставленія Царству Польскому, въ его этнографическихъ предѣлахъ и въ составѣ русскаго государства, политической и національной автономіи настолько широкой, чтобы возсоединеніе съ нимъ стало политическимъ идеаломъ зарубѣжныхъ поляковъ *).

Противъ такого отношенія Россіи къ полякамъ обыкновенно возражаютъ, что поляковъ никакая автономія не удовлетворитъ, что они стремятся къ возстановленію польскаго государства въ границахъ предшествовавшихъ первому раздѣлу Польши, „отъ моря до моря“. Этимъ массовымъ психозомъ поляки дѣйствительно страдаютъ, но придавать ему значеніе разрѣшающія серьезныя задачи міровой политики при существующемъ соотношеніи силъ русскаго государства и раздробившагося на части подневольнаго польскаго народа,—конечно не слѣдуетъ. Полякамъ, лишившимся по прихоти историческихъ судебъ, хотя-бы и не безъ ихъ вины, государственнаго существованія, было отчего помутиться въ разсудкѣ **).

Въ условіяхъ широкаго самоуправленія, политическаго и національнаго, психозъ этотъ самъ собою пройдетъ. Пройдетъ тогда тоже у

*) Извѣстно, что обладаніе царствомъ Польскимъ настолько невыгодно для Россіи въ стратегическомъ и экономическомъ отношеніяхъ, что Императоръ Николай I имѣлъ въ виду, послѣ возстанія 1830 г. совсѣмъ отъ него отказаться. Осуществленіе такого предположенія нежелательно потому, что совсѣмъ независимая Польша могла-бы подчиниться вліянію и даже подпасть подъ власть враждебнаго намъ государства. (см. подробнѣе въ моей книгѣ „Національные вопросы на инородческихъ окраинахъ Россіи. СПб. 1908. гл. III, стр. 18 и 30).

**) Образумить поляковъ должна-бы между прочимъ и возможность изданія для національно чуждыхъ имъ Бѣлоруссіи и Литвы закона объ отчужденіи у нихъ поземельной собственности за справедливое вознагражденіе на общественныя надобности,—закона уже дѣйствующаго въ Пруссіи для ихъ родной Познаніи.

поляковъ и охота исполнять въ Австріи обязанности палачей при томъ четвертованіи малороссійской вѣтви русскаго народа, которое тщится обратить Святую Ольгу и Владиміра Святого въ чужеземцевъ для великороссовъ, а Пушкина, Гоголя, Льва Толстого, Тургенева въ иностранцевъ для русскихъ хохловъ по сю и по ту сторону русской границы. Въ крайнемъ случаѣ отказъ отъ этой братоубійственной политики могъ бы быть поставленъ условіемъ возвращенія Царству Польскому, въ составъ русскаго государства той національной и политической автономіи, которой оно лишилось послѣ двухъ безумныхъ возстаній.

Какъ достичь примиренія россійскаго государства съ растерзаннымъ польскимъ народомъ дѣло практической политики. Успѣхъ ее зависитъ отъ искусства ея руководителей, отъ способности ихъ подняться до пониманія того значенія, которое имѣетъ политическая солидарность ста-шестидесяти милльоновъ населяющихъ Европу славянъ при послѣдовательномъ стремленіи Россіи къ достиженію завѣтныхъ задачъ ея международной политики, какъ великой міровой державы.

II.

Задачи внѣшней политики Россіи были ей ясно предуказаны гениемъ Великаго Петра. Онъ далъ ей вѣрное направленіе, поставивъ ее конечной цѣлью свободный и безопасный выходъ къ теплымъ морямъ на сѣверѣ и югѣ имперіи. Первымъ дѣломъ его внѣшней политики была война съ Турціей и овладѣніе крѣпостью Азовомъ, первый шагъ направленный къ обладанію Чернымъ моремъ.

Сознательной и послѣдовательной продолжительницей этой политики была Екатерина.

Она отвоевала у турокъ все побережье Чернаго и Азовскаго морей, отъ Кубани до Днѣпра, и въ виды ея входило совершенное прекращеніе владычества турокъ въ Европѣ и возстановленіе византійской имперіи*) въ сферѣ вліянія Россіи, причемъ символическое въ этомъ отношеніи значеніе имѣло наименованіе ею своего втораго внука Константиномъ.

Нѣмка по происхожденію, Екатерина II всѣмъ существомъ своимъ стала русскою по духу, она и потомкамъ своимъ завѣщала не подпадать вліянію нѣмцевъ: „для блага имперіи Россійской совѣтую“, писала она, „отдалить отъ совѣтовъ обоого пола нѣмцевъ“.

Совѣту этому потомки ея не вняли. Александръ I спасая Пруссію вступилъ съ нею въ союзъ противъ Наполеона, въ войскахъ котораго дрались однако съ Пруссіей кровные нѣмцы Рейнскаго союза. Послѣ разгрома прусской арміи при Іенѣ (14 октября 1806 г.), занятія Наполеономъ Берлина (27 октября) и капитуляціи прусскихъ войскъ на Эльбѣ, Прусское королевство, созданіе Фридриха Великаго, въ сущности прекратило свое существованіе и возродилось по Тильзитскому миру только благодаря упорному сопротивленію оказанному Наполеону русскими войсками на Вислѣ. Это засвидѣтельствовано въ 4 статьѣ заключеннаго въ Іюнѣ 1807 г. въ Тильзитѣ мирнаго договора гласящей: „Изъ уваженія къ Императору всероссійскому Императоръ Наполеонъ соглашается отдать королю Прусскому слѣдующія покоренныя владѣнія...“

Справедливо считая ослабленіе Германіи столь-же выгоднымъ для Россіи какъ и для Франціи, Наполеонъ предлагалъ Александру разширить предѣлы Россіи до ея естественной границы по Вислѣ до впаденія ея въ море, но строго блю-

*) Греческій проектъ

дя интересы Пруссіи, Александръ отъ этого великодушно отказался. Не согласился онъ и на присоединеніе къ Россіи пограничнаго Мемеля въ интересахъ русской торговли по Нѣману.

Защита Россіей Пруссіи вовлекла насъ, по наущенію Наполеона, въ войну съ Турціей и здѣсь, по связи съ нашими историческими задачами на ближнемъ востокѣ, любопытно отмѣтить, что по договору заключенному нами 26 Апрѣля 1807 г. въ Бертенштейнѣ, Александръ Благословенный обѣщался *передъ Пруссіей* уважать цѣлость Оттоманской Имперіи.

Въ конечномъ результатѣ побѣдъ русскаго воинства надъ великимъ полководцемъ Франціи Александръ, ставъ распорядителемъ судебъ Европы, не извлекъ изъ этого положенія для Россіи и соплеменныхъ ей славянъ никакой выгоды. Даже чистокровныхъ русскихъ малоросовъ онъ оставилъ въ обладаніи Австріи. Въ 1806 г. русскіе моряки и черногорцы, подъ командой адмирала Синявина заняли Боку Которскую, превосходную бухту на морскомъ побережьи Черногоріи. Русскіе дипломаты на вѣнскомъ конгрессѣ допустили отобраніе ее у черногорцевъ и предоставленіе во власть Австріи.

Въ 1848 г. начался естественный распадъ разноплеменной Австрійской имперіи, защищавшей тылъ Турціи на предуказанномъ Россіи ея историческими судьбами и географическимъ положеніемъ пути въ сторону проливовъ ведущихъ изъ Средиземнаго моря въ Черное, обладаніе которымъ было намъ обезпечено геніемъ Петра и Екатерины.

Венгерцы наносили императорскимъ войскамъ пораженіе за пораженіемъ и венгерскій рейхстагъ уже объявилъ (14 Апрѣля 1849 г.) габсбургско-лотарингскую династію навѣки лишеною престола. Интересы Россіи требовали всячески содѣйствовать разложенію, расчлененію Австріи, но Николай I понималъ свое призваніе иначе.

Онъ считалъ себя въ Европѣ оплотомъ монархическаго абсолютизма. Во славу этого принципа онъ проливалъ на поляхъ Венгріи кровь храбраго русскаго воинства совершенно безкорыстно. Талантливый и храбрый венгерскій генераль Гергей, послѣ упорнаго сопротивленія, сложилъ оружіе передъ *русской арміей*—онъ поставилъ это единственнымъ условіемъ своей сдачи. „Венгрія у ногъ Вашего Величества“,—писалъ Паскевичъ государю,—но Николай I изъ этого положенія не извлекъ никакой пользы ни для Россіи, ни для изнывавшихъ подъ властью венгровъ славянскихъ народностей.

Спасенная Николаемъ I Австрія вслѣдъ за симъ поспѣшила исполнить предсказаніе Шварценберга о томъ, что она „удивитъ весь міръ своей неблагодарностью“. Въ 1854 г. она преградила намъ путь въ Турцію, предъявивъ вмѣстѣ съ Пруссіей императору Николаю Павловичу требованіе (*sommatation*) объ очищеніи русскими войсками дунайскихъ княжествъ. Требованіе это было исполнено и княжества были заняты австрійскими и турецкими войсками. Между тѣмъ въ расчетъ на своихъ нѣмецкихъ друзей Николай Павловичъ отвергъ примирительную ноту западныхъ державъ, пытавшихся уладить конфликтъ нашъ съ Турціей, изъ за нарушенныхъ ею правъ ея единовѣрныхъ съ нами подданныхъ. Послѣдствія извѣстны.

Александръ II, допустилъ въ 1866 г. замѣну архаическаго, безсильнаго союза многочисленныхъ, раздробленныхъ германскихъ государствъ подъ фиктивнымъ главенствомъ разноплеменной, отчасти славянской Австрійской имперіи,—крѣпко сплоченной имперіей германской подъ властнымъ водительствою воспріявшаго императорскую корону прусскаго короля. Допустивъ образованіе на нашей границѣ сильной нѣмецкой державы императоръ Александръ II не воспрепятствовалъ затѣмъ разгрому ея Франціи

и тѣмъ надолго нарушилъ выгодное для насъ въ западной Европѣ международное равновѣсіе. Все это было предоставлено Германіи совершенно даромъ, безъ предоставленія Россіи, съ ея стороны, какихъ-бы то ни было выгодъ. Когда вслѣдъ затѣмъ охватившее русскій народъ стихійное движеніе къ освобожденію балканскихъ славянъ отъ турецкой неволи вызвало, противъ воли русскаго правительства, войну нашу съ Турціей и послѣ того какъ побѣдоносная Россія подъ стѣнами Константинополя склонила турокъ отказаться отъ обладанія ея славянскими областями съ объединеніемъ болгаръ и сербовъ въ независимые государства,—союзныя намъ въ то время Германія и Австрія не только не поддерживали нашихъ требованій, но повели на Берлинскомъ конгрессѣ, подъ предсѣдательствомъ Бисмарка, дѣло такъ, что непрерывный отъ моря до моря къ сѣверу отъ Турціи поясъ славянскихъ земель получавшихъ, по Стефанскому договору, независимое существованіе въ составѣ государствъ болгарскаго и сербскихъ,—былъ прорванъ, въ сторону Средиземнаго моря оставленіемъ Македоніи за Турціей, разобщеніемъ Черногоріи отъ Сербіи и передачей Босніи и Герцеговины въ управленіе Австріи.

Въ этихъ требованіяхъ, кѣмъ бы они не были формально предъявлены побѣдною Россіи, нельзя не видѣть инициативы гениальнаго руководителя международной политики союзной намъ тогда Германіи, могущество которой было создано руками родственныхъ нѣмцамъ русскихъ самодержцевъ. Требованія эти очищали Германіи и ея сателиту Австріи путь къ Средиземному морю и надо было обладать большой наивностью, чтобы хотя одну минуту сомнѣваться въ томъ, что временное управленіе Австріей освобожденными Россіей Босніей и Герцеговиной обратится въ полное, органическое присоединеніе ихъ къ союзной Германіи имперіи Австрійской.

И. С. Аксаковъ угадалъ это, сказавъ тогда въ одной изъ своихъ рѣчей: „Австрія занимаетъ Боснію и Герцеговину и занимаетъ, конечно, навсегда“.

Послѣ этого Бисмаркъ получилъ возможность такъ опредѣлить призваніе Россіи въ сферѣ международныхъ отношеній: „Россіи нечего дѣлать на Западѣ. Она можетъ тамъ получить только нигилизмъ и другія немощи. Миссія ея въ Азіи. Тамъ она изображаетъ цивилизацію“.

III.

Я былъ въ то время (1875 — 1878 гг.), до мозга костей проникнутъ сознаніемъ, что война наша съ Турціей соотвѣтствовала историческому призванію Россіи и интересамъ ея на востокѣ.

„Борьба Россіи съ исламомъ, какъ политической силой“, — писалъ я тогда*), продолжается уже нѣсколько столѣтій. Въ этой великой борьбѣ Россія не посрамила знамени христіанской цивилизаціи подѣ сънью которой она не только отразила натискъ дикихъ азіатскихъ ордъ, но и расширила поле для Европейской культуры, далеко отодвинувъ предѣлы мусульманскаго владычества. Россія очистила все сѣверное побережье Чернаго моря отъ тлетворнаго вліянія мусульманской власти; она поразила мусульманское владычество и за снѣговыми вершинами кавказскихъ горъ и за сыпучими песками Средней Азіи; въ самой Европѣ она вырвала у него изъ рукъ Сербію, Грецію и Румынію.

„Борьба эта еще не закончена. Еще много миллионовъ единокровыхъ и единовѣрныхъ намъ населеній изнываютъ подѣ мусульманскимъ игомъ

*) „Восточный вопросъ и условія мира съ Турціей“. 1878 годъ. Стр. 33 и слѣд.

и властвующій исламъ заграждаетъ еще намъ самимъ свободный проходъ въ Средиземное море. Россія должна довершить святое дѣло освобожденія и снять позорную стражу отъ дверей собственнаго своего дома. Достиженіе этой цѣли есть историческое призваніе Россіи, а для государства еще болѣе чѣмъ для отдѣльныхъ личностей необходимо, познавъ свое истинное призваніе, слѣдовать ему безъ уклоненія и нерѣшимости, строго сообразуя всѣ свои дѣйствія съ тою цѣлью, которая должна составлять идеаль его политическихъ стремленій. Только оставаясь постоянно вѣрнымъ своему историческому призванію, государство становится сильнымъ, уважаемымъ и могущественнымъ; измѣна-же своему политическому идеалу или даже равнодушіе къ его достиженію обрекаютъ государство на оскудѣніе нравственныхъ силъ и политическое ничтожество.

„Для государства, кромѣ того, гдѣ его призваніе—тамъ его выгода. Во всякомъ случаѣ это несомнѣнно относительно цѣлей, преслѣдуемыхъ нашимъ отечествомъ въ разрѣшеніи восточнаго вопроса“.

И далѣе (стр. 43). „Съ Австріей мы въ данную минуту находимся въ союзѣ. Но настроеніе венгровъ и вѣнской печати со времени возникновенія восточныхъ затрудненій даетъ мѣру искренности и прочности дипломатическаго сближенія нашего съ австро-венгерской имперіей при ея настоящемъ политическомъ устройствѣ. Такимъ образомъ... для Россіи выгодно, освободивъ балканскихъ славянъ, создать на южной границѣ Австріи, отъ Чернаго моря до Адриатическаго, сплошной поясъ независимыхъ славянскихъ государствъ, съ которыми насъ будутъ соединять и кровное родство, и общность интересовъ.“

„Общность этихъ интересовъ несомнѣнно существуетъ и стремленіе Россіи къ освобожденію балканскихъ славянъ обусловливается не

однимъ платоническимъ сочувствіемъ. Самые реальные интересы нашей внѣшней политики находятся въ тѣсной зависимости отъ прочности тѣхъ связей, которыя соединяють насъ съ остальнымъ славянскимъ міромъ. Мы имѣемъ много враговъ на юго-востокѣ Европы и только славяне, придя къ твердому сознанию своей національной обособленности, могутъ разобщить эти открыто враждебные намъ элементы. Съ другой стороны, южные и западные славяне, въ интересахъ своей національной самобытности, не могутъ относиться равнодушно къ политическимъ судьбамъ славянской Россіи, которая, создавъ себѣ положеніе великой европейской державы служить могущественнымъ оплотомъ славянской идеѣ. Славяне внѣ Россіи не имѣютъ друзей; въ глазахъ Европы они уже и тѣмъ виноваты, что существуютъ... Одна Россія въ собственныхъ интересахъ, не можетъ не желать ихъ національнаго возрожденія и освобожденія ихъ, гражданскаго и политическаго.

„Эту общность интересовъ Россіи съ остальнымъ славянскимъ міромъ понимаютъ въ Европѣ отлично, а потому заглушить сознание славянской взаимности и внести рознь въ семью славянскихъ народностей всегда входило въ виды политики враждебныхъ намъ европейскихъ государствъ. Передъ славянами выставляютъ пугало воинственной и завоевательной политики Россіи; сочувствіе Россіи къ національному возрожденію другихъ славянскихъ племенъ стараются охладить предостереженіемъ, что всякая освобожденная славянская національность станетъ для насъ новою Польшею. Подобные доводы находятъ еще легковѣрныхъ адептовъ и въ нашемъ отечествѣ и между другими славянами. Несостоятельность ихъ, однако, очевидна. Стремленіе присоединить къ себѣ другія славянскія земли было-бы для Россіи политикой въ полной мѣрѣ безумною: кромѣ опасенія неизбѣжныхъ

внутреннихъ затрудненій, Россія не можетъ желать вѣзаться въ Европу полипомъ и тѣмъ безконечно удлинить свою оборонительную линію. Примѣръ Польши приводитъ къ заключеніямъ прямо противоположнымъ тѣмъ, которыя выводятъ изъ него противники освобожденія славянъ: простая логика показываетъ, что содѣйствіе освобожденію и объединенію не можетъ породить затрудненій, вызванныхъ раздробленіемъ и присоединеніемъ.

„Въ солидарности интересовъ идея славянской взаимности получаетъ самое твердое основаніе. Славяне ищутъ свободы и стремятся къ національной самобытности, и изъ всѣхъ государствъ Европы одна Россія столько-же выигрываетъ отъ ихъ освобожденія, сколько теряетъ отъ ихъ національнаго вырожденія. Та же общность интересовъ существуетъ и между отдѣльными славянскими племенами. Образование независимыхъ славянскихъ княжествъ на южной границѣ Австріи придастъ такое значеніе національнымъ стремленіямъ австрійскихъ славянъ, которое окажетъ несомнѣнное вліяніе на внутреннюю политику этого государства. Балканскіе славяне, съ другой стороны, непосредственно заинтересованы въ усиленіи славянскаго элемента въ сосѣдней съ ними австрійской имперіи“.

„Въ этой солидарности интересовъ мы видимъ также вѣрный залогъ прекращенія историческихъ славянскихъ раздоровъ и недоразумѣній“.

Другою цѣлью войны съ Турціей, столь-же важною какъ освобожденіе подвластныхъ ей славянъ, я ставилъ—открытіе для русскаго флота проливовъ изъ Чернаго моря въ Средиземное, которое считалъ осуществимымъ только какъ послѣдствіе успѣшной для насъ войны съ Турціей.

Я находилъ *), что „вопросъ этотъ можетъ

*) Тамъ-же стр. 46 и слѣд.

85305
быть разрѣшенъ въ благопріятномъ для насъ смыслѣ или путемъ непосредственныхъ переговоровъ съ Турціей, за которой покуда признается значеніе самостоятельной европейской державы, или же посредствомъ дипломатическаго согласія съ Европой. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ Россія можетъ предъявить требованіе объ открытіи проливовъ, только основываясь на правѣ завоеванія. Турція, владѣя проливами и пользуясь правомъ не пропускать черезъ нихъ суда другихъ націй, можетъ съ основаніемъ почитать Черное море своимъ внутреннимъ моремъ; а потому отказаться отъ этого можетъ только принужденная къ тому силою. При настоящемъ международномъ положеніи Европы нельзя ожидать взаимнаго и добровольнаго соглашенія европейскихъ державъ объ открытіи проливовъ. Но, если при благопріятномъ исходѣ войны съ Турціей, Россія завладѣетъ Константинополемъ или получитъ по крайней мѣрѣ возможность овладѣть этимъ ключемъ къ проливамъ, то открытіе проливовъ можетъ быть поставлено условіемъ отказа нашего отъ пріобрѣтенія территоріи имѣющей международное значеніе.

„Но будетъ-ли открытіе проливовъ выгодно для Россіи? Наши англійскіе друзья, обсуждая возможные условія мира нашего съ Турціей, по поводу статей помѣщенныхъ объ этомъ предметѣ въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ, стараются смутить насъ опасеніемъ, что при открытіи проливовъ и грозный англійскій флотъ пріобрѣтетъ право заходить въ Черное море. Права этого британскій флотъ тамъ дѣйствительно не имѣетъ, но онъ имѣетъ къ тому и въ настоящее время полную возможность, а что возможностью этою онъ воспользуется при первомъ вооруженномъ съ Россіей столкновеніи, въ томъ сомнѣваться было-бы болѣе чѣмъ навѣрно. Для Россіи-же вопросъ стоитъ совсѣмъ инымъ образомъ. Она имѣетъ *право*, но лише-

на *возможности* содержать въ Черномъ морѣ флотъ, соотвѣтствующій ея значенію великой европейской державы. Россія не можетъ безъ ущерба для чести и достоинства своихъ морскихъ силъ соорудить на Черномъ морѣ сколько нибудь значительныхъ броненосцевъ, обрекая ихъ на безсрочное заточеніе въ тѣсномъ корытѣ этого морского бассейна“.

„При этихъ условіяхъ для Россіи имѣетъ первостепенное значеніе вопросъ о томъ, кто и при какихъ условіяхъ будетъ владѣть Босфоромъ и Дарданеллами“.

Въ сущности я тогда полагалъ, что—проливы, ведущіе изъ Чернаго моря въ Средиземное, должны быть наши или ничьи.

Нашими проливы эти могутъ быть только при условіи возведенія въ нихъ нами такихъ неприступныхъ укрѣпленій, какъ тѣ, которыя возведены Англіей въ Гибралтарѣ, Аденѣ и въ Сингапурѣ, обезпечивая ей господство въ Средиземномъ и Красномъ моряхъ и Индійскомъ океанѣ.

Цѣли этой мы могли достигнуть если-бы преемники на русскомъ престолѣ великихъ Петра и Екатерины оставались въ нашей внѣшней политикѣ вѣрными ихъ завѣтамъ.

Овладѣть-же проливами и сохранить ихъ въ своемъ обладаніи въ послѣдствіе побѣдоносной войны 1877—1878 гг.,—я считалъ неосуществимымъ, но признавалъ возможнымъ обезпечить дѣйствительную, реальную ихъ нейтрализацію.

Я полагалъ *)... „что какъ высшіе интересы цивилизаціи и челоѣколюбія, такъ и здравый политическій расчетъ требуютъ совершеннаго прекращенія турецкаго владычества въ Европѣ. Отсрочивать эту неизбѣжную окончательную развязку восточнаго вопроса—значитъ вызывать новыя возстанія христіанскихъ подданныхъ Тур-

*) Тамъ-же стр. 59 и слѣд.

ції и столкновенья ея съ Греціей и сосѣдными славянскими княжествами. Эти столкновенья и возстанія дадутъ, съ своей стороны, поводы къ европейскому вмѣшательству. Важное стратегическое и торговое значеніе Константинополя будетъ тоже постояннымъ источникомъ дипломатическихъ интригъ и властолюбивыхъ покушеній“.

„Избѣгнуть этого можно только изгнаніемъ турокъ изъ Европы“ *). „Если-бы совѣтъ европейскихъ державъ пришелъ къ этому благоразумному рѣшенію, то въ устройствѣ политической судьбы Албаніи и греческихъ провинцій Турціи не встрѣтилось-бы особыхъ препятствій**). „Южная часть Албаніи, населенная на половину огречившимися тосками, Фессалія и сосѣдніе съ нею округа, въ которыхъ греки составляютъ большинство населенія, могли-бы быть присоединены къ греческому королевству. Сѣверная часть Албаніи, населенная мужественными и воинственными племенами могла-бы составить самостоятельное княжество въ династическомъ соединеніи съ Черногоріей.

„Но какъ поступить съ Константинополемъ по изыятіи его изъ власти турокъ?

Вопросъ этотъ всегда составлялъ камень преткновенія для дипломатовъ, публицистовъ и друзей всеобщаго мира. И вотъ я взялъ тогда на себя смѣлость начертать на этой *tabula rasa*, открытой для всякихъ предположеній, слѣдующій набросокъ плана нейтрализаціи Константинополя и проливовъ.

„Константинополь, оба берега Босфора, Мраморнаго моря и Дарданель на извѣстномъ разстояніи отъ морской черты и всѣ острова этого бассейна, составляя общую и нараздѣльную соб-

*) Понималъ я это, разумѣется фигурально, въ смыслѣ прекращенія ихъ владычества въ предѣлахъ Европы.

**) Славянскія земли я предполагалъ устроенными согласно предположенію Санъ-Стефанскаго договора нашего съ Турціей.

ственность европейских государствъ, образуютъ *Международную Территорію*.

Международная территория управляется совѣтомъ управленія, состоящимъ изъ представителей всѣхъ европейскихъ государствъ, большихъ и малыхъ.

Въ совѣтѣ управленія предсѣдательствуютъ погодно всѣ члены онаго по особой очереди.

Судебная власть въ международной территоріи принадлежитъ международному суду, состоящему изъ членовъ, назначенныхъ каждымъ изъ европейскихъ государствъ.

Международный судъ территоріи составляетъ апелляціонную инстанцію для гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, которыя разрѣшаются въ первой инстанціи единоличными судьями, назначаемыми самимъ международнымъ судомъ.

Особая международная комиссія начертаетъ для международной территоріи кодексы уголовный, гражданскій, торговый и судопроизводственный.

Пересмотръ этихъ кодексовъ можетъ послѣдовать по опредѣленію, большинствомъ голосовъ, соединеннаго присутствія совѣта управленія и международного суда и тогда созывается съ этой цѣлью особая международная комиссія.

Органы полиціи и вооруженной жандармеріи для охраненія внутренняго мира территоріи подчиняются президенту совѣта управленія, но назначаются и увольняются не иначе какъ по опредѣленію особаго совѣта, состоящаго подъ предсѣдательствомъ президента совѣта управленія, изъ члена совѣта бывшаго президентомъ въ предъидущемъ году и члена имѣющаго занять эту должность въ будущемъ.

Официальнымъ языкомъ территоріи признается французскій, какъ языкъ дипломатическихъ сношеній.

Налоги на содержаніе единоличныхъ судей, полиціи, жандармеріи, на содержаніе школъ, на призрѣніе бѣдныхъ, на устройство путей сообщенія и т. п. предметы общественнаго благоустройства и благочинія, назначаются совѣтомъ управленія. Члены-же этого совѣта и международнаго суда получаютъ содержаніе отъ своихъ правительствъ.

Въ случаѣ войны представители воюющихъ націй выходятъ на все время продолженія военныхъ дѣйствій изъ состава совѣта управленія и международнаго суда.

Международный судъ территоріи разбираетъ взаимныя жалобы борющихся сторонъ на несоблюденіе законовъ и обычаевъ войны, для чего бывшіе представители ихъ въ совѣтъ управленія остаются въ Константинополѣ въ качествѣ повѣренныхъ своихъ правительствъ передъ международнымъ судомъ...

Жители территоріи, хотя-бы имѣющіе въ ней постоянную осѣдлость, остаются въ томъ подданствѣ, въ которомъ родились или которое приняли. Международная территорія не имѣетъ своихъ собственныхъ подданныхъ.

Въ Константинополѣ собираются всѣ международные конгрессы и конференціи—дипломатическіе, торговые и научные, тамъ-же устраиваются всемірныя промышленныя выставки.

Международная территорія есть порто-франко.

У порога Константинополя сходятся три страны свѣта и при намѣченныхъ нами условіяхъ это гнѣздо азіатскаго варварства стало-бы центромъ культурнаго и промышленнаго общенія народовъ, а можетъ быть и колыбелью положительнаго международного права. Но читатель найдетъ, конечно, нашъ планъ нейтрализаціи Константинополя и проливовъ мечтательнымъ и мы готовы съ нимъ согласиться, но не потому чтобы онъ былъ неосуществимъ, а потому, что современная Европа не довольно разсудительна

и не довольно искренно желаетъ наступленія благословенной эры всеобщаго мира“.

По прочтеніи этихъ предположеній черезъ тридцать три года, умудренный жизненнымъ опытомъ, я и теперь не могу признать свой планъ нейтрализаціи Константинополя и проливовъ утопическимъ, оговариваясь, что проектированной мною международной территоріи могла-бы быть дана организація и болѣе совершенная той которую я предлагалъ чисто предположительно какъ одинъ изъ практическихъ способовъ облечь мою идею нейтрализаціи Константинополя и проливовъ въ плоть и кровь.

Практичность моей идеи доказывается тѣмъ, что послѣ того Европой были въ этомъ направленіи сдѣланы робкіе шаги учрежденіемъ Гаагской конференціи и международныхъ судебныхъ учреждений въ Египтѣ.

Пользу для Россіи отъ нейтрализаціи Константинополя и проливовъ считаю достаточно доказанной приведенными мною доводами. Прибавлю, что при невозможности сохранить Константинополь и проливы въ своемъ обладаніи, это была даже единственная реальная польза которую мы могли тогда извлечь въ Европѣ отъ побѣды надъ турками, такъ какъ уже въ то время мы не могли сдѣлать въ Европѣ полезныхъ земельныхъ пріобрѣтеній.

Ко времени Берлинскаго конгресса восточный вопросъ получилъ для Россіи новое значеніе, въ основу его легла новая идея. Весь смыслъ войны 1877 года заключался въ стихійно возникшемъ у насъ сочувствіи освобожденію родственныхъ намъ славянъ отъ инородческаго ига, причемъ въ сочувствіи этомъ сказалось вѣрное пониманіе выгоднаго для Россіи національнаго возрожденія и государственнаго объединенія отдѣльныхъ отраслей славянъ по ихъ племенному составу.

Такая постановка восточнаго вопроса была чужда пониманію нашихъ дипломатовъ. Между тѣмъ, по условіямъ нашего государственнаго строя того времени, разрѣшеніе этого жизненнаго для Россіи вопроса составляло предметъ исключительнаго и безконтрольнаго вѣдѣнія министерства иностранныхъ дѣлъ, безъ всякой связи съ другими насущными вопросами нашего государственнаго бытія, которые всѣ находятся между собою въ непосредственной связи.

Представимъ себѣ труды Берлинской конференціи при слѣдующей обстановкѣ.

Русскія войска избѣгли неудачъ подѣ Плевной которыми мы обязаны были неосвѣдомленности нашихъ бюрократовъ относительно боевой силы турецкой арміи и не испытавъ пораженія, заняли Константинополь и проливы. Царь освободитель, оставаясь послѣдовательно вѣрнымъ принципу самостоятельнаго національнаго существованія отдѣльныхъ славянскихъ народностей, предоставилъ русской Польшѣ, въ ея этнографическихъ предѣлахъ, полную политическую и національную автономію, а великому русскому народу совершившему освободительный подвигъ, на Балканахъ, въ согласіи съ принципами первыхъ лѣтъ своего царствованія, даровалъ-бы конституцію подобную той которую русское правительство выработало для Болгаріи.

Не создало-ли бы это во всемъ культурномъ мірѣ такое настроеніе, при которомъ ни одно правительство не рѣшилось-бы возражать противъ выгодной для Европы нейтрализаціи Константинополя и проливовъ, такую обстановку при которой Австріи не удалось-бы присвоить освобожденные кровью русскихъ воиновъ Боснію и Герцеговину.

IV.

Турція стала пользоваться особымъ вниманіемъ европейскихъ державъ съ того времени, когда, при посредствѣ военнаго бунта, она стала государствомъ конституціоннымъ. Но Турція уже имѣла конституцію въ семидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія и вотъ что между прочимъ, объ этой конституціи я тогда писалъ *).

„Турція не задумалась даровать своимъ подданнымъ конституцію, а шейхъ-уль-исламъ, верховный истолкователь законовъ пророка, не затруднился дать свое одобреніе этому либеральному измышленію высокомудраго Митхада-паши.

...Конституція эта „не только ни на іоту не измѣняетъ положенія христіанскихъ подданныхъ Турціи, но можетъ даже служить новымъ орудіемъ ихъ порабощенія, орудіемъ тѣмъ болѣе пригоднымъ, что оно является по внѣшности своей, для поверхностнаго пониманія большинства европейской публики въ формѣ весьма благообразной.

...„Христіанскіе подданные Турціи принадлежатъ къ разнымъ національностямъ и интересы ихъ по весьма многимъ вопросамъ могутъ существенно расходиться; правовѣрныхъ-же представителей собранія соединяютъ и общіе интересы, и одинаковыя, на коранѣ основанныя государственныя воззрѣнія. Кромѣ этого христіанское меньшинство въ палатахъ всегда будетъ состоять преимущественно изъ такихъ личностей, интересы которыхъ болѣе солидарны съ турецкими порядками, чѣмъ съ національными потребностями своихъ родичей. Всякій народъ имѣетъ своихъ ренегатовъ и людей руководящихся въ жизни только соображеніями матерьяльной выгоды. Такіе люди не только ужива-

*) Тамъ-же стр. 15—19.

ются съ каждымъ государственнымъ порядкомъ, но и эксплуатируютъ его въ свою пользу. Очевидно и между христіанскими населеніями Турціи есть личности, которыя въ порабощеніи своихъ соплеменниковъ находятъ источникъ наживы и которые опасаются, чтобы съ измѣненіемъ существующаго государственнаго строя источники этой наживы не изсякли. Презрѣніе которымъ подобные люди пользуются между своими, дѣлаетъ связь ихъ съ притѣснителями еще болѣе крѣпкою и все это служить ручательствомъ, что только эти отщепенцы христіанскихъ общинъ имперіи примутъ участіе въ турецкомъ представительномъ собраніи“...

„Если-бы конституціи этой суждено было стать серьезнымъ учрежденіемъ, она только упрочила-бы на коранѣ основанный государственный порядокъ и служила-бы новымъ орудіемъ порабощенія христіанъ“.

„Мусульманство, по самой природѣ своей, не можетъ служить источникомъ гражданскаго и политическаго развитія: косность и неподвижность составляютъ отличительныя свойства мусульманской культуры. Господство сераля, рабское положеніе женщины, отношеніе къ христіанамъ какъ „псамъ невѣрнымъ“,—таковы гражданскіе и политическіе принципы ислама. Отвращеніе отъ всякаго труда, презрѣніе къ умственной работѣ, слѣпая покорность неотвратимому року составляютъ индивидуальныя свойства послѣдователей ученія Магомета.

„Принципы христіанства настолько противоположны приведеннымъ началамъ ислама, что между христіанскимъ населеніемъ Турціи и ея мусульманскимъ правительствомъ не можетъ существовать никакой органической связи и никакая конституція этой связи не создастъ. Четыре вѣка владствуютъ турки на Балканскомъ полуостровѣ и никакого сліянія ихъ съ мѣстнымъ населеніемъ не послѣдовало; опираясь на

вооруженную силу, они только удерживаютъ право завоевателей надъ тою частью христіанскаго населенія европейской Турціи, которая еще не успѣла освободиться изъ подъ ихъ ига...

„Призрачныя реформы, къ которымъ приступила Турція, не дадутъ надлежащихъ устоевъ ея государственному устройству.

„Современное европейское государство не можетъ существовать, не положивъ въ основаніе своего устройства принципа полноправности своихъ подданныхъ. Признать же этотъ принципъ Турція не можетъ, безъ полного отреченія отъ самой сущности ислама,—ей для этого нужно перестать быть мусульманскимъ государствомъ. Но властвующее въ Турціи мусульманство отнюдь не расположено къ такому акту самоотреченія. Принявъ внѣшнія формы представительнаго образа правленія, оно не измѣнило кореннымъ государственнымъ воззрѣніямъ ислама; христіане остаются по прежнему безправными и самая жизнь христіанина продолжаетъ не имѣть въ глазахъ мусульманскаго населенія никакой цѣны; убійство его для мусульманина есть дѣло угодное Аллаху и потому не имѣетъ для мусульманскаго сознанія значенія преступнаго дѣянія.

„И дѣйствительно, турецкіе мусульмане послѣ введенія конституціи, какъ и прежде, совершаютъ избіеніе христіанъ въ ужасающихъ размѣрахъ: убійства въ Болгаріи, убійство грековъ въ Коварнѣ, поголовное избіеніе всѣхъ раненыхъ и плѣнныхъ русскихъ воиновъ,—всѣ эти ужасы, отъ которыхъ у христіанина и европейца кровь стынетъ въ жилахъ, совершаются мусульманами совершенно хладнокровно и въ сознаніи исполненнаго долга“.

Все это привело меня въ 1877 г. къ заключенію, что „Турціи нѣтъ больше мѣста въ Европѣ“.

Соображенія приводившіяся мною противъ митхадовой конституціи имѣють полное примѣненіе и къ новѣйшей конституціи младо-турокъ, по крайней мѣрѣ настолько насколько они касаются несовмѣстимости конституціи христіанскаго типа, съ основнымъ міросозерцаніемъ мусульманскихъ народовъ основанномъ на коранѣ, во всей области права опредѣляющаго ихъ государственное устройство и общественные порядки,—права имѣющаго для нихъ божественную санкцію, а потому не подлежащаго измѣненію.

„Воздайте кесарево кесарю и божіе Богу“ въ этой заповѣди Христа, положившей рѣзкую грань между государствомъ и Христовой церковью лежитъ основа прогрессивнаго роста народовъ христіанской культуры, непрерывнаго усовершенствованія порядковъ ихъ государственнаго общежитія, не встрѣчающаго себѣ преграды въ неподвижныхъ нормахъ божественнаго закона.

Въ мірѣ христіанскомъ, византизмъ, смѣшавшій вопреки этой Христовой заповѣди божіе съ кесаревымъ, погубилъ вышедшее на берегахъ Босфора изъ нѣдръ римской имперіи греческое христіанское государство.

Исламъ, веленіемъ божьяго пророка, впередъ и разъ на всегда предопредѣлилъ весь политическій и гражданскій укладъ воспріявшихъ это ученіе народовъ. Поэтому, послѣдователямъ ученія Магомета, надо отъ него отрѣчься для того, чтобы стать на путь того прогрессивнаго гражданского и политическаго развитія которымъ шествуютъ народы христіанской культуры. Съ ученіемъ ислама не совмѣстима конституція ограничивающая прерогативы калифа, допускающая равноправность магометанъ и лицъ другихъ исповѣданій и вообще послѣдовательный ходъ прогрессивныхъ законодательныхъ измѣненій несогласныхъ съ установленными кораномъ и получившими божественную санкцію нормами права.

Между турецкими конституціями конца прошлаго вѣка и начала нынѣшняго существуетъ однако и значительная разница, причемъ послѣдняя стоитъ въ несравненно большемъ противорѣчій съ политическимъ міросозерцаніемъ послѣдователей ислама чѣмъ первая.

Митхадова конституція была средствомъ отвода глазъ просвѣщенныхъ европейцевъ отъ варварскихъ порядковъ управленія христіанскими подданными турецкаго государства, причемъ никакихъ существенныхъ измѣненій въ установленномъ Магометомъ правовомъ порядкѣ и въ отношеніяхъ къ христіанамъ Турціи какъ врагамъ и рабамъ, не предвидѣлось. Неприкосновенность корана и шефсата была вполне обезпечена составомъ парламента, въ который христіане были допущены въ самомъ незначительномъ меньшинствѣ и притомъ изъ лицъ болѣе солидарныхъ съ турецкими порядками чѣмъ съ національными потребностями своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ. Послѣ того, какъ желаемое впечатлѣніе на либеральную Европу было произведено исчезъ и этотъ призракъ конституціи.

Совсѣмъ иное значеніе имѣетъ настоящая конституція младо-турокъ. Она есть дѣло горсти военныхъ бунтарей, измѣнившихъ исламу плѣнившись государственными и общественными порядками христіанской Европы.

Силу младотурокъ въ настоящее время составляютъ высокій подъемъ ихъ патріотическаго настроенія, дружная сплоченность ихъ организаціи и еще сохранившаяся до поры до времени тѣсная связь съ расположенными въ европейской Турціи войсками непрерывно дравшимися подъ ихъ водительствомъ съ христіанскимъ населеніемъ Македоніи. Популярность этого команднаго состава передается смѣняющимся нижнимъ чинамъ и ей не препятствуетъ отщепенство этихъ воинскихъ начальниковъ отъ мусульманскаго пра-

вовѣрія, такъ какъ войска эти не отдають себѣ яснаго отчета въ анти-исламическихъ тенденціяхъ своихъ офицеровъ,—замѣна-же, съ согласія шейхъ-уль-ислама, обиравшаго страну Абдуль-Гамида другимъ правовѣрнымъ султаномъ традиціями мусульманства не противорѣчитъ.

Число младо-турокъ, преобразователей имперіи османлисовъ ничтожно. Они составляютъ незначительную часть осѣдлыхъ въ европейской Турціи мусульманъ все-то число которыхъ не превышаетъ трехъ милльоновъ.

Вотъ эта-то горсть тридцатимилльоннаго населенія Турецкой имперіи и представляетъ теперь Турцію передъ лицомъ христіанскихъ державъ всего міра.

Противъ себя и своей конституціи младо-турки имѣють, кромѣ значительной части своихъ родичей въ Европѣ, все населеніе настоящей Турціи въ Азій, — Турціи, по самой своей природѣ государства азіатскаго и правовѣрно-мусульманскаго. Государство это имѣетъ около 20-ти милльоновъ мусульманскаго населенія распредѣляющагося по своему племенному составу на три почти равныхъ части,—между турками, арабами и другими народностями, среди которыхъ значительное большинство составляютъ друзья и марониты.

Слабость младо-турецкой революціонной организаціи усугубляется еще тѣмъ, что арабы справедливо считаютъ турецкихъ султановъ самозванцами, восхитившими калифатъ у потомковъ Магомета ихъ единоплеменника.

При этихъ условіяхъ безпочвенное зданіе мусульманской конституціонной монархіи разшатывается непрерывными заговорами и возстаніями въ Европѣ и Азій.

Мусульманскій міръ еще не сплотился и не устроился для отпора смѣлымъ отщепенцамъ овладѣвшимъ властью за Босфоромъ,—но сила ихъ въ вѣрности завѣтамъ ислама, какъ основы

ихъ семейнаго, общественнаго и государственнаго правопорядка.

Не надо забывать, что для народныхъ массъ религія есть замѣна продуманной морали, показатель честной и добропорядочной жизни,— и такъ какъ коранъ объемлетъ весь обиходъ общественной и частной жизни мусульманина, представляя изъ себя въ этомъ отношеніи нѣчто цѣльное, нераздробимое, то нельзя выкинуть изъ него постановленія, которыя составляютъ устои общественнаго порядка, не поколебавъ нравственныхъ основъ мусульманскаго правовѣрія въ семейномъ быту и въ частной жизни. Въ мусульманскомъ мірѣ болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было опасно строить политическія комбинаціи на вѣроисповѣдномъ индефферентизмѣ народныхъ массъ.

Дѣйствительность оправдала эти соображенія. Народное представительство въ законодательной сферѣ немедленно отразилось на семейныхъ отношеніяхъ. Въ Константинополѣ открыли парламентъ, а въ Малой Азіи затворницы гаремовъ стали выходить изъ дому не спросясь мужей, поднимать на улицѣ покрывала, а бывали и случаи незначенія свиданій офицерамъ.

Противъ несогласія конституціи съ началами мусульманскаго вѣрованія возражаютъ указывая на то, что коранъ въ одномъ изъ своихъ постановленій совѣтуетъ калифу въ важныхъ случаяхъ спросить мнѣніе, умудренныхъ опытомъ, людей. Но между этимъ патріархальнымъ обычаемъ и ограниченіемъ правъ султана въ законодательной сферѣ также мало общаго, какъ между великобританской конституціей и совѣщаніями африканскихъ чернокожихъ дикарей.

Такимъ образомъ младо-турецкая конституція на европейскій ладъ, внѣ сферы христіанской культуры, является въ мусульманской Турціи учрежденіемъ беспочвеннымъ и эфемернымъ, а потому не можетъ оправдывать властвованія

кучки азіатовъ, паразитовъ мусульманскаго міра, надъ частью христіанской Европы съ ея населеніемъ славянъ и грековъ.

Младо-турки, даже если-бы того хотѣли, не могли-бы обезпечить христіанскому населенію Турціи ни равноправія съ мусульманами, ни мирнаго и благоденственнаго среди нихъ житія,—но они повидимому къ этому и не стремятся судя потому, что возстаніемъ албанцевъ въ 1910 г. они воспользовались для обезоруженія христіанскаго населенія Старой Сербіи и Македоніи, причемъ мусульманамъ этихъ странъ не только сохранено оружіе, но неимѣющіе такового снабжаются имъ отъ правительства. Разоруженіе-же христіанъ производилось съ величайшей жестокостью.

Искусственность, фальшь младо-турецкой, по европейскому образцу скроенной конституціи доказывается враждебнымъ къ ней отношеніемъ огромнаго большинства мусульманъ Турціи, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи. Она держится терроромъ плохо уживающимся съ либеральнымъ конституционализмомъ младо-турокъ. Послѣ успѣха ихъ вторичнаго возстанія и сверженія Абдуль-Гамида они вѣшали своихъ противниковъ, по мусульманскому обряду, на самыхъ людныхъ мѣстахъ Константинополя, причемъ казненные болтались на своихъ висѣлицахъ въ назиданіе народной толпѣ, съ ранняго утра и до вечера.

Я былъ этому свидѣтелемъ и вообще сужденія мои о значеніи младо-турецкой конституціи не умозрительныя, а основаны на личномъ наблюденіи и отзывахъ мѣстныхъ жителей и свѣдущихъ лицъ изъ европейцевъ при двухкратномъ посѣщеніи моемъ, въ 1909 и 1910 гг., Константинополя и Албаніи въ Европѣ, Палестины, Сиріи и Анатолиіи въ Малой Азіи.

Младо-турецкая конституція держится войскомъ, но опора эта ненадежна. Нравственную силу турецкой арміи всегда составляла ея вѣроисповѣдная однородность при фанатическомъ

вѣрованіи мусульманъ, что убійство иновѣрца обѣщаетъ имъ вѣчное блаженство въ магометовомъ раѣ. Теперь она этой однородности лишилась. Она состоитъ изъ двухъ непримѣримо враждебныхъ элементовъ,—мусульманъ и христіанъ. Последніе подвергаются теперь всевозможнымъ стѣсненіямъ въ особенности въ безпрепятственномъ отправленіи богослуженія и исполненіи ихъ вѣроисповѣдныхъ обрядовъ, а справедливое къ нимъ отношеніе ускорить неизбѣжную военную контрреволюцію подъ предводительствомъ какого-либо фанатичнаго прововѣрнаго паши. Вѣроятность такой контрреволюціи усугубленная тѣмъ, что повсемѣстныя возстанія вызываютъ необходимость обратнаго приѣма на службу офицеровъ уволенныхъ за несочувствіе старому режиму. Стоящая громадныхъ расходовъ реорганизація турецкой арміи нѣмецкими инструкторами тутъ дѣлу не поможетъ.

Для самой турецкой имперіи, обладаніе частью христіанской Европы, какъ всякое фальшивое положеніе, служить источникомъ не силы, а слабости. Она получила бы несравненно большую устойчивость безъ этого придатка, какъ чисто азіатская и мусульманская держава, вѣрная міросозерцанію, религіозному вѣрованію и нравственной этикѣ ислама.

Въ международной политикѣ берутъ теперь рѣшительное преобладаніе матерьяльные, экономическіе интересы и съ этимъ приходится мириться,—но и въ этомъ отношеніи „обновленная“ Турція недолго останется ареной для выгодной промышленной эксплуатаціи и помѣщенія въ ея займахъ за большіе проценты сбереженій западныхъ государствъ Европы,—и это не только въ виду непрочности ея искусственной конституціи, но преимущественно потому, что затѣя эта связанная съ стремленіемъ играть въ Европѣ видную роль въ борьбѣ международныхъ интересовъ европейскихъ государствъ, вліять на равно-

вѣсїе силъ ихъ политическихъ сочетаній,—неизбѣжно приведетъ обрядившихся въ европейскіе dospѣхи турокъ къ полному разоренію.

За пятнадцать первыхъ мѣсяцевъ дѣйствія новѣйшей младотурецкой конституціи расходы турецкаго правительства превысили обыкновенные доходы на 349 милльоновъ франковъ. Оно въ этотъ краткій срокъ истратило суммы найденныя въ Ильдисъ-Кіоскѣ послѣ низложенія Абдуль-Гамида, 175 милліоновъ октябрскаго займа 1909 г., суммы уплаченныя Австріей, какъ вознагражденіе за присоединеніе Босніи и Герцеговины, суммы взятыя впередъ въ отоманскомъ банкѣ и пр.

Ожидалось послѣ того доходовъ 600 милльоновъ франковъ при 820 милльонахъ расходовъ. Къ этимъ 220 милльонамъ дефицита слѣдуетъ прибавить 136 милльоновъ дефицита предыдущаго бюджетнаго года, такъ что недохватъ доходовъ конституціонной Турціи на удовлетвореніе текущихъ расходовъ составляетъ 36% т. е. болѣе трети дохода, а средняя ежегодная бюджетная норма отоманской имперіи можетъ быть выражена въ такой формулѣ: въ ожиданіи трехъ франковъ дохода, оно издерживаетъ четыре. Прогрессія эта должна при новыхъ займахъ послѣдовательно расти *).

Дефициты эти вызываются въ особенности непосильными военными расходами.

Все это совершается въ условіяхъ полной финансовой и контрольной дезорганизаціи и когда французское правительство, для разрѣшенія биржевой котировки новаго во Франціи турецкаго займа, сверхъ уже занятыхъ у ней двухъ милльардовъ, потребовало извѣстныхъ въ этомъ отношеніи гарантій, то правительство турецкое въ этомъ горделиво отказало и обратилось для

*) Заимствую эти свѣдѣнія изъ помѣщенной во французской газетѣ „Temps“ офиціозной статьи.

заключенія займа въ Германію и Австрію. Здѣсь Турція встрѣтила полную предупредительность при отсутствіи какихъ-либо обидныхъ для національнаго самолюбія младо-турокъ контрольных гарантій, но при слабости денежнаго рынка этихъ странъ, германскіе и австрійскіе банкиры могли въ складчину удовлетворить требованіе Турціи только съ разсрочкой и на условіяхъ прямо разорительныхъ: Турція получила въ дѣйствительности только $8\frac{1}{2}\%$ номинальной суммы своихъ обязательствъ.

Въ этомъ нельзя не видѣть указанія на то, что туркамъ властвовать въ Европѣ не по средствамъ. Ихъ конституціонные порядки могутъ стать въ противорѣчіе съ матерьяльными интересами ихъ европейскихъ покровителей и кредиторовъ. Ликвидация ихъ задолженности вновь поставитъ въ свое время на очередь разрѣшеніе ближне-восточнаго вопроса и матерьяльныя выгоды заинтересованныхъ державъ могутъ потребовать прекращенія аномальнаго властвованія турокъ въ Европѣ надъ частью ея христіанскаго населенія.

Вернувшись въ Азію, въ условія нормальнаго для мусульманъ государственнаго и общественнаго быта, не исключающаго возможности послѣдовательнаго приращенія народнаго богатства и при военномъ бюджетѣ не разсчитанномъ на міровую политику, — турки получаютъ возможность уплатить свои долги европейскимъ кредиторами полностью.

Тогда, какъ и въ 1877 г. и по тѣмъ-же основаніямъ интересы Россіи, не нуждающейся ни въ какихъ земельныхъ пріобрѣтеніяхъ, потребуютъ только прекращенія турецкаго владычества надъ частью европейскаго материка съ его христіанскимъ населеніемъ и дѣйствительной нейтрализаціи проливовъ ведущихъ изъ Чернаго моря въ Средиземное. Надо устранить опасность угрожающую нашему черноморскому побережью отъ той

или иной державы, которая приобрѣла-бы въ Турціи преобладающее вліяніе и могла-бы въ критическій моментъ заручиться содѣйствіемъ турокъ, владѣющихъ Константинополемъ и проливами.

Это и должно стать теперь завѣтной цѣлью нашей внѣшней политики въ томъ направленіи, которое было ей предуказано Петромъ I и Екатериной II.

V.

Для успѣшнаго достиженія государствомъ завѣтныхъ цѣлей его внѣшнѣй политики требуется прежде всего его относительная внутренняя мощь.

Относительная мощь государства при существующемъ капиталистическомъ строѣ, противопоставляемомъ утопіямъ революціоннаго социализма и анархіи, находится въ прямой зависимости отъ степени матерьяльнаго благосостоянія его населенія.

Еще Бокль въ своей „Исторіи цивилизаціи“ замѣтилъ, что „если сравнить между собою современные народы, то мы найдемъ, что самые богатые—самые могущественные, самые человѣчные и самые счастливые“.

Россія, по своимъ природнымъ богатствамъ, должна-бы быть самымъ могущественнымъ государствомъ всего міра. Занимая, съ населеніемъ превосходящимъ сто пятьдесятъ миліоновъ душъ, шестую часть суши нашей планеты и притомъ въ одномъ отрубѣ, въ широтахъ и длинахъ допускающихъ разведеніе всѣхъ видовъ и особей животнаго и растительнаго царства, Россія единственная страна, въ которой могли-бы процвѣтать всѣ роды промышленности и въ границахъ которой могъ-бы, безъ участія другихъ государствъ, совершаться весь торговый обмѣнъ.

Между тѣмъ отечество наше самое бѣдное, а слѣдовательно, относительно, и самое слабое изъ государствъ Европы. Если все богатство каждой изъ культурныхъ странъ раздѣлить на число ихъ населенія, то на долю единицы населенія въ Россіи получилось-бы приблизительно только третья часть того, что приходится на душу населенія въ другихъ государствахъ Европы.

Объясняется это всесторонней отсталостью Россіи, политической и экономической,— и догнать въ этомъ отношеніи народы западной Европы Россія можетъ только слѣдуя по тому самому пути, на которомъ они набрались силы въ условіяхъ равноправія, совмѣстимой съ порядкомъ свободы и широкой общественной самодѣятельности въ сферѣ законодательства и управленія. Относительная мощь Россіи находится въ прямой зависимости отъ того будетъ ли нашъ политическій барометръ стоять на высотѣ этихъ живительныхъ основъ современнаго государственнаго общежитія или будетъ опускаться до темныхъ низинъ тѣхъ общественныхъ наслоеній, гдѣ русскую самобытность полагаютъ въ заурядной, до пошлости обыкновенной отсталости въ повсемѣстно отжившихъ формахъ чиновно-сословнаго абсолютизма, заимствованныхъ нами у западной Европы послѣ того, какъ реформа Петра I изъ предшествовавшего его воцаренію уклада государственной жизни Россіи не оставила камня на камнѣ, а Екатерина II создала у насъ сословный строй по образцу и подобію существовавшихъ въ ее время на западѣ сословныхъ отношеній.

При всей своей бѣдности и отсталости Россія обладаетъ однако и теперь достаточной абсолютной силой для того, чтобы, при противоположеніи интересовъ отдѣльныхъ великихъ государствъ Европы, склонить вѣсы международнаго равновѣсія въ сторону того союза державъ къ которому она пристанетъ.

Существующее распределение великихъ европейскихъ державъ на два соперничающихъ союзныхъ сочетаній вполне соотвѣтствуетъ интересамъ Россіи.

Приемы внѣшней политики государства должны постоянно мѣняться соотвѣтственно международной обстановкѣ дня,—но исходя изъ создавшихся реальныхъ условій даннаго историческаго момента, не надо никогда упускать изъ виду достиженіе той цѣли, которая составляетъ историческое призваніе государства. Каждая великая держава имѣетъ передъ собою такую основную цѣль внѣшней политики стремленіе къ достиженію которой вызывается заботой о сохраненіи и приращеніи своего могущества и благосостоянія.

Англія, какъ страна островная, неизмѣнно стремилась къ приращенію и сохраненію своего господства на моряхъ.

Столь-же опредѣленная и не менѣе ясная цѣль поставлена была историческому призванію Россіи на сухопутьи материковъ Европы и Азіи. Путь въ Азію намъ указала и народная волна, удалъ русской вольницы, въ чемъ сказалось стихійное, непреодолимое стремленіе Россіи къ распространенію нашего вліянія на доступную нашему воздѣйствію часть этой, самой „сухопутной“ изъ частей свѣта, имѣющей относительно наименьшее протяженіе морского берега.

Сопоставленіе это указываетъ, что политика полезная какъ для Россіи, такъ и для Великобританіи, должна-бы влечь ихъ всегда къ единенію ихъ силъ для достиженія обоюднo выгодныхъ для обѣихъ странъ результатовъ въ сферѣ ихъ международныхъ отношеній.

Если соглашеніе это послѣдовало только въ послѣднее время, то въ этомъ наибольшая доля вины лежитъ на Англіи, въ ея предубѣжденіяхъ основанныхъ на безосновательномъ страхѣ передъ опасностью угрожавшей будто-бы Индіи

отъ сосѣдства Россіи,—безосновательномъ потому, что владѣть Индіей можетъ только самая сильная морская держава, чѣмъ Россія, при разбросанности ея морскихъ побережій, никогда не будетъ.

Обладаніе при этихъ условіяхъ Россіей и Англіей обширными владѣніями въ Азіи не только не разобщаетъ ихъ интересы, но должно служить однимъ изъ элементовъ ихъ солидарности въ міровой политикѣ.

Польза для Россіи отъ союза съ Франціей не требуетъ доказательствъ,—союзъ этотъ predetermined одинаково для нихъ выгоднымъ стратегическимъ положеніемъ Франціи и Россіи на флангахъ Германской имперіи.

Между Россіей и Франціей заключенъ оборонительный союзъ, а съ Англіей у насъ имѣется только „соглашеніе“. Дѣло, конечно, не въ названіи, но интересы обѣихъ державъ требуютъ того, чтобы соглашеніе это точно и ясно опредѣляло ихъ взаимныя обязательства, относительно которыхъ не должно быть ничего двусмысленнаго, недоговореннаго.

Россія, Англія и Франція должны блюсти интересы своихъ союзниковъ, политическіе и экономическіе, какъ свои собственные и всякія соглашенія съ державами противоположнаго лагеря должны быть соображены съ интересами союзниковъ и заключаемы съ ихъ согласія.

Соглашеніе это должно предохранить Россію отъ проникновенія въ Черное море военныхъ судовъ тройственного союза, а Великобританіи обезпечить помощь сухопутныхъ вооруженныхъ силъ Россіи и Франціи при всякомъ столкновеніи ея съ Германіей на морѣ.

Природѣ такого соглашенія всего болѣе соотвѣтствовалъ-бы оборонительный союзъ. Договорными условіями его опредѣлялось-бы и отношеніе Россіи къ Германіи, Австріи и Италіи.

Ничто не мѣшаетъ Россіи, оставаясь непоколебимо вѣрною своимъ союзникамъ, поддерживать добрососѣдскія отношенія съ Германіей, которая въ культурномъ отношеніи, составляетъ необходимый элементъ всесторонняго прогресса народовъ Европы. Сохраненіе этихъ дружественныхъ отношеній съ нашей стороны тѣмъ легче, то Россіи отъ Германіи рѣшительно ничего не нужно,—кромѣ свободы отъ ея вліяній и какихъ-либо по отношенію къ ней одностороннихъ обязательствъ.

Изъ вопросовъ ея внутренней политики, Россія должна сохранить полную независимость отъ нѣмецкихъ вліяній, въ особенности въ дѣлѣ благоустройства нашихъ прибалтійскихъ губерній.

Русская политика на этой окраинѣ государства предопредѣляется ея географическимъ положеніемъ.

Устроить столицу государства на берегу Финскаго залива Петръ Великій могъ только при условіи присоединенія къ Имперіи части Финляндіи и Остзейскаго края, что онъ привелъ въ исполненіе безъ какихъ-бы то ни было и въ отношеніи къ кому-либо обязательствъ и ограниченій.

Находясь теперь въ близкомъ разстояніи отъ столицы государства, гранича съ Петербургской и Псковской губерніями, омываемая Балтійскимъ моремъ и глубоко врѣзывающимся въ самый материкъ Россіи Рижскимъ заливомъ,—губерніи эти прилегаютъ вплотную къ Германской Имперіи. Отсюда само собою ясно; что миръ и добрососѣдскія отношенія между Россіей и Германіей будутъ обезпечены тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе эта инородческая окраина будетъ нѣмецкою.

Требованію этому вполнѣ удовлетворяетъ этнографическій составъ ея населенія. По переписи 1867 г. въ трехъ губерніяхъ Прибалтійскаго

края въ круглыхъ цифрахъ насчитывалось 2 милліона латышей и эстовъ на 165 тысячъ нѣмцевъ и 130 тысячъ русскихъ.

Такой составъ населенія не даетъ основанія считать эти губерніи нѣмецкими, такъ какъ число нѣмцевъ въ нихъ,—почти равное числу русскихъ представителей господствующаго въ Имперіи племени,—не составляетъ и 10% мѣстнаго кореннаго населенія эстовъ и латышей.

Нѣмецкими онѣ стали только потому, что нѣмцы, по архаическому феодальному праву, сосредоточили въ своихъ рукахъ и въ значительной мѣрѣ сохраняютъ и нынѣ собственность на землю, а также мѣстную власть, свѣтскую и духовную.

Политики объединительной и въ остзейскомъ вопросѣ держалась Екатерина II, причемъ претензіи остзейскихъ нѣмцевъ вызвали съ ея стороны напоминовеніе, что она, Екатерина, „не герцогиня курляндская, а императрица всероссійская“.

Послѣ Екатерины II, той-же русской національной политики относительно прибалтійскихъ губерній послѣдовательно держался только Александръ III, но реформа его осталась незаконченною въ такихъ существенныхъ частяхъ, какъ аграрные законы; рыцарскія привилегіи мѣстнаго нѣмецкаго дворянства и освѣщающее ихъ особое, отличное отъ имперскаго гражданское право; отсутствіе въ мѣстномъ управленіи безсловнаго земства; нѣмецкая лютеранская духовная консисторія при абсолютномъ запрещеніи обращаться къ ней коренному населенію латышей и эстовъ на иномъ языкѣ, кромѣ нѣмецкаго, — и многое другое обращающее эту окраину Россійской Имперіи въ нѣмецкую кунсткамеру средне-вѣковыхъ древностей.

Сохраненіе добрососѣдскихъ отношеній нашихъ съ Германіей настоятельно требуетъ разнѣмеченія прибалтійскихъ губерній съ сохране-

ніемъ за нѣмцами той доли значенія, которая соотвѣтствуетъ ихъ численному составу среди мѣстнаго населенія.

Въ этихъ-же видахъ должна быть безусловно воспрещена колонизація прибалтійскихъ губерній иностранцами.

Нельзя при этомъ не обратить вниманія и на то, что новая дислокація войскъ въ Россіи, обращаетъ прибалтійскій край въ вѣроятный театръ военныхъ дѣйствій при возможномъ съ Германіей вооруженномъ столкновеніи.

Политика Австріи въ отношеніяхъ ея къ Россіи, на всемъ почти протяженіи девятнадцатаго вѣка и по сей часъ была и остается послѣдовательно враждебною и преисполненною коварства, — и въ этомъ направленіи она неизмѣнно пользовалась поддержкой Германіи.

Выше приведены тому фактическія доказательства и я упоминаю объ этомъ здѣсь не въ укоръ Австріи. Въ международной политикѣ интересъ отечества *ultima lex*, въ ней нѣтъ мѣста чувству и не на Австріи конечно лежала забота объ интересахъ Россіи. Послѣдовательность-же Австріи въ преслѣдованіи поставленной себѣ цѣли достойна похвалы и подраженія. Послѣдовательность эта была доведена до виртуозности въ томъ искусствѣ съ которымъ Германія и Австрія использовали въ своемъ интересѣ силы болѣе ихъ могущественной Россіи, не останавливаясь ни передъ какими этическими соображеніями и формальными или нравственными обязательствами союзныхъ отношеній, — извлекая для себя выгоду какъ изъ непочатой русской мощи, такъ и изъ естественной слабости Россіи послѣ крайняго напряженія ея силъ во время войнъ часто предпринимавшимися нами въ интересахъ нашихъ нѣмецкихъ союзниковъ.

Я имѣлъ случай лично убѣдиться насколько послѣдовательна была въ этомъ направленіи политика Австріи.

Съ графомъ (тогда барономъ) Эренталемъ я находился въ отношеніяхъ если не близкаго, то во всякомъ случаѣ давняго знакомства за все время продолжительнаго, съ недолгими перерывами, пребыванія его въ Петербургѣ секретаремъ, совѣтникомъ австро-венгерскаго посольства, а затѣмъ и посломъ. Зайдя ко мнѣ однажды,—онъ былъ въ то время совѣтникомъ посольства,—помнится осенью 1890 г., во всякомъ случаѣ незадолго до паденія Бисмарка, графъ Эренталь завелъ разговоръ о ближне-восточномъ вопросѣ, спросивъ мое мнѣніе о слѣдующей обсуждавшейся тогда политической комбинаціи.

Въ сферу вліянія Россіи должны-бы войти Константинополь и проливы въ тѣхъ условіяхъ, которыя мы признаемъ для себя желательными, а также Болгарія и Турція, но послѣдняя до меридіана проходящаго между Болгаріей и Сербіей. Сербскія земли и турецкія къ востоку отъ этого меридіана, съ портомъ Салоники въ Эгейскомъ морѣ, подчинялись политическому воздѣйствію Австро-Венгріи. Графъ Эренталь сказалъ мнѣ при этомъ, что комбинація эта пользовалась полной поддержкой Бисмарка, у котораго онъ по этому дѣлу провелъ въ Варцинѣ одинъ изъ лѣтнихъ мѣсяцевъ предшествовавшихъ времени нашей бесѣды.

Тогда переговоры по этому предмету закончились извѣстнымъ тостомъ Александра III въ Николинъ день: „Пью за здоровье моего единственнаго друга черногорскаго князя Николая“. Тостъ этотъ, смыслъ котораго не для всѣхъ ясенъ, имѣлъ глубокое значеніе. Онъ означалъ освобожденіе Россіи отъ вліянія австрійскихъ и германскихъ нѣмцевъ и сохраненіе сербскаго народа въ сферѣ русскихъ интересовъ.

Австрія смирилась, но плана своего нѣмцы не оставили. Обстановка при которой возникла несчастная война наша съ Японіей еще не стала достояніемъ исторіи, но непосредственнымъ

результатомъ пораженія Россіи было присоединеніе къ Австріи двухъ сербскихъ областей, а задуманный или одобренный Бисмаркомъ планъ проникновенія нѣмецкаго вліянія въ бассейнъ Средиземнаго моря теперь на пути къ осуществленію,—съ той только разницею противъ предположеній 1890 года, что вмѣсто обезпеченнаго намъ тогда Германіей и Австріей преобладающаго вліянія въ области проливовъ, государства эти включили всю Турцію въ сферу своего вліянія.

Что представляетъ изъ себя Австро-Венгрія какъ государство? какое значеніе имѣетъ участіе ее въ противопологаемомъ тройственному „соглашенію“ Россіи, Франціи и Англіи союзъ ея съ Германіей и Италіей?

Значеніе Австро-Венгріи въ международной политикѣ міровыхъ державъ Европы опредѣляется племеннымъ составомъ ея населенія.

Собственно въ Австріи около 30 миліоновъ населенія, изъ которыхъ 60% славянъ и 40% нѣмцевъ, а въ Венгріи,—со славянскими Хорватіей и Славоніей на западѣ и мѣстностями на востокѣ населенными румынами,—немного болѣе 20 милліоновъ, распредѣляющихся между венграми и инородцами почти поровну. Колоній Австро-Венгрія не имѣетъ.

Этимъ племеннымъ составомъ населенія австро-венгерской имперіи опредѣляется ея антинаціональный характеръ. Она представляетъ изъ себя государство, въ которомъ не можетъ существовать ни государственнаго національнаго патріотизма, ни государственной національной политики.

Между тѣмъ, начиная съ пятидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія національная идея стала той силой, которая обнаруживаетъ наибольшее вліяніе на историческія судьбы Европы. Она вызвала еще не законченное объединеніе Италіи и Германіи, освобожденіе большей части славянъ

изъ подъ власти турокъ, образованіе самостоятельныхъ королевствъ Румыніи, Сербіи, Болгаріи и Черногоріи. На нашихъ глазахъ совершается теперь національное обособленіе Ирландіи въ составъ великобританской имперіи и обнаруживается въ Бельгіи политическая рознь между французами и фламандцами.

Въ силу того-же неумолимаго закона, опредѣляющаго міровую эволюцію государственнаго общежитія отдѣльныхъ странъ и народовъ, Австро-Венгрія, которая, въ противоположность другимъ государствамъ лишена твердаго національнаго устоя въ господствующей народности, рано или поздно, но неизбѣжно разложится на свои составныя національныя части.

Процессъ распада австрійской имперіи уже давно начался. Смертельный ударъ вѣковому, историческому, имперскому значенію ея въ главѣ германскаго народа ей нанесъ Бисмаркъ въ 1866 г. Послѣ того началось и ея внутреннее разложеніе предоставленіемъ самостоятельнаго государственнаго значенія Венгріи на началахъ уніи, отъ которой одинъ шагъ до договорныхъ союзныхъ отношеній двухъ независимыхъ государствъ.

Съ каждымъ днемъ крѣпнеть національное сознаніе входящихъ въ составъ австро-венгерской монархіи славянскихъ народностей. Предательское присоединеніе Босніи и Герцеговины еще усилило славянскій національный элементъ имперіи, въ которой славяне составляютъ теперь уже болѣе половины общей численности ея населенія.

Долженъ въ свое время закончиться этотъ процессъ разложенія окончательнымъ объединеніемъ германскаго народа присоединеніемъ нѣмецкихъ областей Австріи къ великой германской имперіи, приобрѣтеніемъ отдѣльными славянскими народностями Австріи и Венгріи независимаго государственнаго существованія и объ-

единеніемъ растерзаннаго, въ угоду нѣмцамъ, на части сербскаго народа подъ скипетромъ національныхъ династій королевствъ Сербіи и Черногоріи.

Подъ вліяніемъ стихійной еволюціи въ направленіи національнаго объединенія отдѣльныхъ государствъ Европы, Австро-Венгрія уже теперь снизошла до значенія случайнаго на вѣсахъ европейскаго равновѣсія привѣска всякаго этнографическаго матерьяла въ сторону Германіи.

Съ нѣмецкой стороны случается слышать уподобленіе Россійской имперіи Австро-Венгріи, по разноплеменности ихъ населенія. Это вопіющая неправда.

Въ составъ Россіи входятъ національно обособленныя Царство Польское и Финляндія. Имъ и слѣдуетъ предоставить въ государственномъ единеніи съ Россійской имперіей широкую областную національную автономію. При 150 милліонахъ населенія имперіи, на эти окраины приходится 11 милліоновъ въ Царствѣ Польскомъ и около 3 милліоновъ въ Финляндіи.

Затѣмъ среди необозримаго пространства Европейской Россіи и Сибири съ ихъ сплошнымъ русскимъ населеніемъ великороссовъ, малороссовъ и бѣлоруссовъ имѣется на западной окраинѣ государства: около 2-хъ милліоновъ эстовъ и латышей, имѣвшихъ самостоятельное національное существованіе только въ состояніи первобытной дикости,—и столько-же литовцевъ, которые еще до того какъ подпали власти поляковъ, усвоили себѣ русскій офиціальныи языкъ и русское право. Среди эстовъ и латышей проживаетъ 165 тысячъ нѣмцевъ, а среди бѣлоруссовъ и литовцевъ около 280 тысячъ поляковъ, большинство которыхъ кровные бѣлоруссы и литвины принявшіе католичество. Число нѣмцевъ и поляковъ внѣ Царства Польскаго не превышаетъ въ Россіи численности населенія средняго провинціального города въ Европѣ.

Что касается, наконецъ, владѣній нашихъ въ Азіи, то Закавказье и Средняя Азія, съ ихъ ино-родческимъ населеніемъ, имѣютъ для Россіи колониальное значеніе.

Спрашивается, что тутъ общаго съ національно уже раздвоившейся Австро-Венгріей при шестидесяти процентахъ славянскаго населенія на ея нѣмецкой половинѣ.

Россія, въ прямое противоположеніе Австро-Венгріи, представляетъ изъ себя цѣлокупно русское національное государство.

Въ оправданіе искусственнаго существованія австро-венгерской имперіи указываютъ еще на Швейцарію, гдѣ три національности благополучно уживаются въ составѣ одного государства. Тутъ сходство, однако, чистое внѣшнее. Создавшійся среди горъ, на окраинѣ разселенія трехъ народностей, швейцарскій союзъ разноплеменныхъ кантоновъ продолжаетъ существовать потому, что по своимъ ничтожнымъ размѣрамъ онъ никому не мѣшаетъ и въ международномъ соревнованіи великихъ державъ Европы не участвуетъ. При этомъ еще большой вопросъ пощадила-ли бы Германія независимость нѣмецкихъ кантоновъ Швейцаріи если-бы ея національные или стратегическіе интересы потребовали-бы ее нарушить. Разница между Австро-Венгріей и Швейцаріей заключается еще въ томъ, что послѣдняя въ своемъ разноплеменномъ государственномъ сожителствѣ никого не угнетаетъ.

Австро-венгерское государство ставшее поперекъ стихійнаго движенія къ національному государственному объединенію населяющихъ Европу племенъ и народовъ, доживаетъ свой вѣкъ въ условіяхъ искусственныхъ, ненормальныхъ. Поддерживаетъ она поэтому свое брренное существованіе мѣрами стоящими въ открытомъ противоположеніи съ самой снисходительной политической этикой и тѣмъ только ускоряетъ неизбежную развязку.

Ненавистническое отношеніе къ Россіи руководить и внутренней политикой австро-венгерскаго правительства, направленной къ разжиганію вражды среди ея разношерстнаго по племенному происхожденію и по вѣрѣ населенія, причемъ цѣной безпощаднаго преслѣдованія русскихъ и православныхъ ея подданныхъ, Австрія обезпечиваетъ себѣ поддержку поляковъ и католиковъ. Политика эта въ настоящее время, послѣ несчастной войны нашей съ Японіей, проводится вполне откровенно, безъ всякихъ ухищреній.

Симптоматическое въ этомъ отношеніи значеніе имѣетъ слѣдующій случай,—даже не случай, а цѣлое событіе.

Одинъ изъ измѣнниковъ русскому народу, малороссъ-мазепинецъ фонъ-Василько, депутатъ отъ Буковины, заявилъ въ австрійской делегаціи, что онъ вотируетъ за военные и морскіе кредиты только изъ ненависти къ царизму и Россіи, такъ какъ онъ увѣренъ, что вооруженія Австро-Венгріи направлены противъ послѣдней. Послѣ этого, по свѣдѣніямъ проникшимъ въ періодическую печать всего міра и нигдѣ не опровергнутымъ, Императоръ Францъ-Іосифъ, лично обязанный Россіи сохраненіемъ венгерской короны, на придворномъ приѣмѣ делегатовъ оказалъ фонъ-Васильку особое вниманіе и похвалилъ его за патріотическую рѣчь. Коментаріи излишни.

Въ этомъ враждебномъ отношеніи къ намъ австро-венгерской монархіи заключается ясное, какъ бѣлый день, указаніе на то, что примиреніе интересовъ Россіи и Австро-Венгріи, а также Германіи, въ орбитѣ которой это потухающее свѣтило вращается,—никогда и ни при какихъ условіяхъ невозможно.

Что-же Россія должна противопоставить этому явно враждебному къ ней отношенію австро-венгерской монархіи?

Прежде всего искреннюю, несокрушимую солидарность съ славянскимъ міромъ,—не исключая изъ нее и поляковъ,—для чего Царству Польскому въ его этнографическихъ границахъ, въ полномъ соотвѣтствіи съ нашими международными, стратегическими и экономическими интересами, должна быть предоставлена возможно широкая политическая и національная автономія. Этимъ способомъ, въ политической игрѣ разыгрываемой нами съ Австро-Венгріей, мы вырвемъ у ней изъ рукъ главный козырь. Въ этомъ направленіи политикѣ нашей соотвѣтствуетъ непримиримое отношеніе къ захвату Австро-Венгріей Босніи и Герцеговины и нескрываемая рѣшимость воспользоваться всякой благопріятной для насъ обстановкой международныхъ отношеній для содѣйствія объединенію этихъ странъ, а также Новобазарскаго санджака съ родственными имъ Сербіей и Черногоріей. Скрывать тутъ нечего,—естественное сочувствіе Россіи освобожденію и объединенію подвластныхъ Австро-Венгріи и Турціи славянъ уже давно и весьма послѣдовательно учитывается германскими и австрійскими нѣмцами.

Мы должны затѣмъ противопоставить союзу Германіи съ неизмѣнно враждебной намъ Австро-Венгріей беззавѣтную вѣрность соглашенію нашему съ Франціей и Англіей, условія котораго должны быть ясны, точны, опредѣлительны.

Никакіе серьезные интересы не связываютъ Италію съ Германіей и Австро-Венгріей,—и не только рѣшительно ничто не угрожаетъ ей со стороны Франціи, Англіи и Россіи, но страны эти, въ полномъ согласіи съ требованіями ихъ международной политики, могутъ предоставить Италіи весьма существенныя, реальныя выгоды.

Проникновеніе вліянія Германіи и Австро-Венгріи въ бассейны Адриатическаго, Средиземнаго и Эгейскаго морей грозитъ Италіи пол-

нымъ ихъ тамъ господствомъ, экономическимъ и политическимъ. Опасность эта создаетъ солидарность Италіи съ сосѣдними славянскими странами, которая уже и теперь проявляется, на примѣръ въ общей для нихъ выгоды проведенія Дунайско-Адріатической желѣзной дороги, которая явилась-бы и кратчайшимъ изъ бассейна Средиземнаго моря путемъ въ Россію. Славяне, поддержанные Россіей, составляютъ для Италіи надежный оплотъ отъ проникновенія вліянія нѣмцевъ въ естественный раіонъ ихъ политическаго и экономическаго вліянія.

Съ другой стороны существуетъ несомнѣнное противоположеніе интересовъ Италіи съ вошедшей въ сферу вліянія Германіи Турціей. Оно вызывается ближайшимъ образомъ отношеніемъ Италіи къ Албаніи и Триполи. Экономическое и культурное вліяніе Италіи въ Албаніи весьма сильно *), а изъ за Триполи уже послѣдовали между Италіей и Турціей серьезныя столкновенія.

При этихъ условіяхъ участіе Италіи въ тройственномъ союзѣ объясняется причинами преходящаго свойства.

Такое временное значеніе имѣетъ также вступленіе въ сферу вліянія тройственнаго союза Румыніи съ ея королевской династіей Гогенцоллеровъ, несмотря на то, что ее мѣсто въ томъ сочетаніи державъ, интересамъ котораго соотвѣтствуетъ воссоединеніе съ Румыніей единоплеменнаго ей населенія Венгріи.

VI.

Изъ двухъ соперничающихъ союзныхъ сочетаній великихъ державъ Европы преиму-

*) Во всякомъ случаѣ въ приморскихъ мѣстностяхъ Албаніи, въ чемъ я лично убѣдился при посѣщеніи ихъ въ 1910 г.

щество силы принадлежит тройственному соглашенію.

Сила государства въ богатствѣ и при всемъ поразительномъ ростѣ матерьяльнаго благосостоянія Германіи, оно уступаетъ богатству какъ Англіи, такъ и Франціи въ отдѣльности. Что-же касается Россіи, то при всей ея *относительной* бѣдности, она значительно богаче Австро-Венгріи и Италіи, вмѣстѣ взятыхъ. Россія обладаетъ во множествѣ еще неисчерпанными источниками народнаго богатства и сдвинутая освободительнымъ движеніемъ 1904 и 1905 гг. съ мертвой точки, на которой ее удерживала отсталость въ отжившихъ формахъ сословно-бюрократическаго абсолютизма, Россія богатѣетъ не по днямъ, а по часамъ. Да и настоящее положеніе Россіи таково, что ея колоссальный бюджетъ на текущій 1910 годъ, приближающійся къ тремъ миллиардамъ рублей *), покрывается цѣликомъ обыкновенными поступленіями. Россія не только не нуждается въ займахъ, но приступаетъ къ сокращенію своей задолженности.

На сторонѣ враждебной намъ Германіи,— статистика показываетъ, что матерьяльное благосостояніе союзной ей Австро-Венгріи послѣдовательно падаетъ. Пассивъ ея торговаго баланса увеличивается, предметы первой необходимости дорожаютъ, а потребительная сила населенія понижается. Все это неблагопріятно отражается на обрабатывающей промышленности. При всемъ томъ расходы ея на армію и флотъ растутъ въ прогрессіи, обѣщающей непрерывное пониженіе уровня ея скуднаго народнаго богатства.

На внутренней устойчивости тройственнаго союза не можетъ не отражаться двусмысленное положеніе Италіи въ союзѣ, на которое указано выше. Весьма вѣроятно, что участіе Италіи въ тройственномъ союзѣ ограничится временемъ

*) 2 миллиарда 750 миллионъ рублей.

мирнымъ и что при военномъ столкновѣніи противниковъ самое выгодное для нее положеніе опредѣлится терминомъ—*tertius gaudens*.

При полной солидарности интересовъ государствъ тройственнаго соглашенія и при абсолютномъ на его сторонѣ перевѣсѣ матерьяльной силы, для его полной устойчивости недостаетъ только обращенія въ оборонительные союзы существующихъ соглашеній Англіи съ Россіей и Франціей.

Какіе общіе интересы объединяють Россію, Англію и Францію въ ихъ союзномъ соглашеніи и какія выгоды участіе въ немъ обѣщаетъ Россіи?

Уже съ давнихъ поръ естественная мощь Россіи и возможная солидарность ея съ другими родственными ей народами славянскаго корня,—панславизмъ,—въ связи съ отсталостью нашего государства при прежнемъ господствѣ въ его внутреннемъ строѣ безконтрольнаго бюрократизма, допускавшаго всякія неожиданности личной политики въ международныхъ отношеніяхъ, дѣлали изъ Россіи пугало, вызывавшее, со стороны нашихъ друзей и недруговъ, всякія предосторожности для огражденія западной Европы отъ угрожавшей ей со стороны Россіи и панславизма опасности. Установились даже неподвижныя формулы предохранительныхъ отъ этой опасности мѣръ. Въ этомъ отношеніи для всѣхъ государствъ Европы считалось аксіомой ея международнаго строя, что существованіе Австро-Венгріи и господство турокъ на Балканскомъ полуостровѣ составляютъ необходимые и неизмѣнные элементы европейскаго равновѣсія. Предубѣжденіе это существуетъ и понынѣ и только имъ можно объяснить, напримѣръ, противоестественный союзъ Италіи съ Германіей и Австро-Венгріей, несмотря на очевидное противоположеніе ихъ интересовъ.

Такимъ образомъ ближайшая задача международной политики Россіи должна состоять въ томъ, чтобы этому предубѣжденію положить ко-

нецъ. Оно налагаетъ путы на внѣшнюю политику Россіи, тогда какъ реальные ея интересы, въ согласіи съ ея историческимъ призваніемъ, требуютъ, въ условіяхъ настоящаго времени, достиженія въ области международныхъ отношеній такихъ практическихъ результатовъ, которые вполнѣ соотвѣтствуютъ самымъ идеальнымъ требованіямъ всего культурнаго міра.

Для достиженія этой цѣли Россіи слѣдуетъ положить въ основу своего союзнаго соглашенія съ Англіей и Франціей рѣшительный и безповоротный отказъ отъ какихъ-либо земельныхъ приобрѣтеній въ Европѣ, въ томъ числѣ и отъ Константинополя съ Босфоромъ.

Тогда предстанетъ во всей ея лучезарной ясности не всѣми замѣчаемая, но уже давно совершившаяся эволюція въ условіяхъ европейскаго международнаго равновѣсія. Для всѣхъ станетъ понятно, что не Россія, а ненасытное, эгоистическое стремленіе Германіи къ приращенію военной и экономической мощи какими-бы то ни-было средствами, служить главнымъ, едва-ли не единственнымъ препятствіемъ для мирнаго сожителства народовъ Европы,—поянтно станетъ и то, что не безобидный, этически благородный панславизмъ служить угрозой миру, а существованіе въ центрѣ Европы; антинаціональнаго государства Австро-Венгріи и господство пришлыхъ изъ Азіи мусульманъ надъ христіанскими аборигенами Балканскаго полуострова, создаютъ два единственныхъ очага непрерывныхъ недоразумѣній и совершенно искусственнаго столкновенія интересовъ отдѣльныхъ государствъ Европы въ сферѣ ихъ международныхъ интересовъ.

Положеніе это опредѣляетъ ближайшія цѣли внѣшней политики Россіи.

Антинаціональное существованіе Австро-Венгріи вводитъ въ орбиту политическаго и экономическаго вліянія враждебной намъ Германіи

большинство разноплеменного, не нѣмецкаго австро-венгерскаго населенія: венгровъ, славянъ и румынъ. Это для Германіи, несомнѣнно, выгоднѣе инкорпорации въ составъ Германской имперіи однихъ австрійскихъ нѣмцевъ. Но въ данномъ случаѣ за интересы Россіи работаютъ, какъ извѣстно, провиденціальныя силы непрерывно совершающейся эволюціи государственнаго объединенія единоплеменныхъ народовъ. Помогать имъ должна, конечно, умѣлая политика Россіи, входитъ въ подробности которой здѣсь не мѣсто.

Въ отношеніяхъ своихъ къ Турціи, Россія не можетъ считать ближне-восточный вопросъ окончательно разрѣшеннымъ ни Берлинскимъ конгрессомъ, ни младо-турецкой конституціей, столь любезной какъ державамъ враждебнаго намъ тройственнаго союза, такъ и дружественнымъ намъ Франціи и Великобританіи. Его нельзя считать разрѣшеннымъ пока на судахъ русскаго флота будетъ лежать запретъ свободно сообщаться между всѣми портами побережій русскаго государства, не исключая Чернаго моря,— пока къ однимъ изъ воротъ нашего дома представлена зависимая отъ Германіи турецкая стража. Вѣдь для всѣхъ понятно, что въ этомъ заключается весь смыслъ запрета военнымъ судамъ всѣхъ странъ проходить проливы ведущіе изъ Средиземнаго моря въ Черное, запретъ въ дѣйствительности не существующій для государства выступающаго на защиту Турціи.

При безповоротномъ отказѣ Россіи отъ обладанія проливами соединяющими Черное море съ Средиземнымъ, безопасная для нее и безобидная для ея національнаго самолюбія нейтрализація проливовъ можетъ быть достигнута только тогда, когда они будутъ изъяты изъ обладанія Турціи и станутъ общимъ достояніемъ всѣхъ государствъ Европы,—а Балканскій полуостровъ перейдетъ во власть его кореннаго населенія славянъ, грековъ и вольнолюбныхъ албанцевъ,

въ этнографическихъ границахъ ихъ разселенія, приче́мъ нейтрализа́ція Константинополя и проливовъ, обращеніе ихъ въ международную, найтральную територію предотвратитъ вѣроятную рознь Болгаріи и Греціи въ ихъ стремленіи завладѣть этими мѣстностями.

Къ достиженію этой цѣли и должна быть направлена внѣшняя политика Россіи. Достижима она потому, что соотвѣтствуя интересамъ Россіи, нейтрализа́ція Константинополя и проливовъ обѣщаетъ многочисленныя реальныя выгоды нашимъ союзникамъ.

Англія и Франція не менѣе Россіи заинтересованы въ томъ, чтобы коренное населеніе Балканскаго полуострова вошло не въ сферу вліянія Австро-Венгріи и Германіи, а державъ тройственнаго соглашенія. Политическіе и экономическіе интересы всѣхъ трехъ державъ тройственнаго соглашенія пострадаютъ отъ господства германскихъ и австрійскихъ нѣмцевъ въ восточномъ бассейнѣ Средиземнаго моря, но въ особенности Великобританія и Россія должны опасаться преобладающаго вліянія Германіи на Западѣ Азіи, въ тылу Кавказа съ одной стороны и Индіи съ другой. Между тѣмъ, въ силу сложившихся международныхъ отношеній, турки въ Европѣ должны неизбѣжно подчиниться вліянію Германіи,—ихъ объединяетъ общее и непримиримое противоположеніе ихъ интересовъ полезнымъ для Россіи задачамъ ея международной политики,—тогда какъ освобожденные изъ подъ власти турокъ и получившіе возможность объединиться въ національныя государственныя сочетанія аборигены Балканскаго полуострова естественно подпадутъ вліянію державъ содѣйствовавшихъ ихъ освобожденію и національному объединенію.

Болгаре, сербы, албанцы и греки,—въ ихъ братскомъ согласіи, съ помощью русскихъ добровольцевъ и при болѣе чѣмъ вѣроятномъ содѣйствіи возстаній въ Аравіи и Анатоліи,—сами

отвоюють родныя земли у турокъ, а отъ государствъ тройственнаго соглашенія потребуется только обезпеченіе имъ невмѣшательства Германіи и Австро-Венгріи въ ихъ борьбу съ турками.

Послѣ пораженія турокъ международный конгрессъ всѣхъ европейскихъ державъ, большихъ и малыхъ,—опредѣлитъ условія нейтрализаціи Константинополя и проливовъ и начертаетъ органическій статутъ для образованной имъ нейтральной территоріи *).

Тогда настанетъ время союзному единенію всей христіанской Европы для отпора нарождающимся въ Азіи грознымъ силамъ государствъ другой культуры, которыя, оставаясь своему національному міросозерцанію вѣрными, усердно и успѣшно заимствуютъ у Европы всѣ тѣ социальныя и техническія усовершенствованія, которыя ведутъ къ преумноженію богатства, а слѣдовательно относительной, соотвѣтственно численности населенія и естественнымъ условіямъ, силы государства.

Передъ этой опасностью должны сплотиться въ крѣпкій союзъ Россія, Англія и Франція имѣющія обширныя владѣнія въ Азіи,—но ихъ объединяють и интересы болѣе высокаго порядка. На сторонѣ державъ тройственнаго соглашенія не только матерьяльная сила, но и преимущества этического свойства.

Въ противоположность Германіи и Австро-

*) Здѣсь позволительно идеологу въ международной политикѣ дать волю воображенію и представить себѣ чѣмъ станетъ эта международная территорія.

Константинополь, расположенный въ мѣстности, гдѣ на близкомъ разстояніи сходятся три части свѣта, преемникъ Рима и Византіи, станетъ колыбелью братскаго союза народовъ Европы, воспріявшихъ греко-римскую культуру на духовной, нравственной основѣ ученія Христа.

Городъ этотъ станетъ центромъ международнаго общенія въ области политики и въ сферѣ науки, гуманизма, изящныхъ искусствъ.

Расположенный въ наилучшихъ климатическихъ условіяхъ и въ самой живописной части Европы, Константинополь, обращенный турками въ грязную клоаку, въ которой бродячія сабаки замѣняютъ санитаровъ, привлечетъ многочисленное населеніе состоятельныхъ и просвѣщенныхъ европейцевъ, для которыхъ лучшіе зодчіе Европы создадутъ въ дивной мѣстности Босфора, среди садовъ и парковъ, изящнѣйшія общественныя зданія и частныя жилища.

Венгрии, политическій идеалъ Россіи въ сферѣ ея международныхъ отношеній, какъ я его понимаю, не требуетъ никакихъ сдѣлокъ съ совѣстью. Онъ честнымъ путемъ ведетъ къ окончательному торжеству христіанской культуры и къ прекращенію всякихъ междусобій среди народовъ Европы.

Россія не можетъ не сочувствовать обнаружившемуся теперь среди англо-саксовъ благородному стремленію къ соглашеніямъ о сокращеніи вооруженій и къ мирному разрѣшенію возникающихъ между государствами недоразумѣній, тѣмъ болѣе, что въ этомъ послѣднемъ отношеніи великодушный починъ сдѣланъ нашимъ всемилостивѣйшимъ государемъ,—но если достоинство и благо Россіи не требуютъ никакихъ корыстныхъ пріобрѣтеній, она не можетъ отказаться отъ завершения уже начатаго ею освобожденія балканскихъ христіанъ изъ подъ власти пришлыхъ въ Европу исламитовъ. Она не можетъ считать свое историческое призваніе исполненнымъ пока продолжается вѣковая, эпическая борьба родственныхъ ей Балканскихъ христіанъ съ ихъ азіатскими поработителями за свободу.

Россія можетъ согласиться на обязательное сокращеніе вооруженій и на третейское разбирательство возникающихъ между народами Европы недоразумѣній, только послѣ того, какъ при дружномъ содѣйствіи Франціи и Великобританіи, окажется возможнымъ вопросы эти предоставить разрѣшенію международнаго ареопага учрежденнаго на нейтрализованной территоріи Босфора.

Международная политика русскаго правительства на всемъ почти протяженіи истекшаго столѣтія страдала безсистемностью и безпринципностью, чѣмъ и объясняются ея печальные результаты. Плыть въ пучинахъ международной политики безъ опредѣленной цѣли, на авось, или въ кильватерѣ за нѣмцами нельзя, не подвергая государственнй корабль опасности крушенія.

Цѣна 40 коп.
